

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Имя заказчика
неизвестно*

Фридрих Евсеевич Незнанский

Имя заказчика неизвестно

Серия «Агентство «Глория»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171428
Имя заказчика неизвестно: АСТ, Олимп; Москва; 2004
ISBN 5-7390-1347-X

Аннотация

Средь бела дня убиты известные депутаты государственной думы, сопредседатели партии «Прогрессивная Россия». Официальное следствие хоть и не признается в этом, однако зашло в тупик. Соратники погибших политиков, обеспокоенные собственной безопасностью, решают нанять частного детектива Дениса Грязнова, чтобы силами своего агентства он защитил их и изобличил заказчика. А заказчиком может быть кто угодно: недавно созданная «Прогрессивная Россия» завоевала уже некоторую популярность и была как кость в горле у различных политических партий и группировок.

Содержание

Из лондонских газет	4
Из рукописи, найденной в провинциальном городе при деликатных обстоятельствах	6
Глава первая	12
Глава вторая	35
Глава третья	47
Глава четвертая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Фридрих Незнанский

Имя заказчика неизвестно

*Богатые не похожи на нас с вами.
Фрэнсис Скотт Фицджеральд*

Из лондонских газет

Деньги – не помеха для российских нуворишей, желающих обосноваться в Лондоне. В настоящее время в британской столице проживают до 250 тыс. состоятельных россиян, и масштабы эмиграции русских в Лондон можно сравнить лишь с притоком наших соотечественников в Париж после революции 1917 года. Сегодняшние российские эмигранты, как и ранее, прибывают в Великобританию в поисках культурного и социального обогащения, которого они не могут найти в собственной стране. И что характерно, эти люди, в основном сколотившие капитал в период активной приватизации госсобственности в России, привозят сюда большое количество денег. По данным российского Центробанка, из России только в период с июня по сентябрь текущего года было выведено около 4,5 млрд фунтов стерлингов. Русские не боятся тратить в Лондоне деньги, однако подавляющее большинство из них, за исключением владельца футбольно-

го клуба «Челси» Романа Абрамовича или другого нефтяного магната – Аркадия Клеонского, предпочитает не афишировать свои траты. В целом же пожелания богатых россиян достаточно однообразны: большие дома в престижных районах, таких, как Найтсбридж и Кенсингтон, с суперсовременной и модной обстановкой.

Из рукописи, найденной в провинциальном городе при деликатных обстоятельствах

«...Иногда воображение полностью уносило меня в создаваемый на бумаге мир. Последнее время это увлекало меня все чаще, но сочинять на работе удавалось далеко не всегда, там у меня каждый день было порядочно бумажной возни. Конечно, я мог бы писать дома, но вот парадокс – в этой тесной и пыльной клетке я буквально задыхался от тоски и одиночества, борясь с навязчивым желанием вырваться на свободу. Мне никогда не нравилась моя квартира. Вот там, за окном, раздавались звуки, там бурлила жизнь, полная тревог и забот. Здесь же время словно замерло в какой-то странной, невообразимой позе. Вот уже много лет я ничего не менял в интерьере. Холостяцкие привычки порой сильней элементарной логики. Я ловил себя на мысли, что в душе панически боюсь каких-то перемен. Стоит только изменить обстановку, и все пойдет по-другому, суматоха жизни, подобно шквальному ветру, ворвется в эту тихую бухту, разрушая сложившуюся идиллию.

Впрочем, рано или поздно перемены должны были произойти. Моя врожденная интуиция говорила об этом. Во мне словно боролись два человека. Я проклинал себя за безде-

ательность, однако, к своему стыду, все оставлял по-старому, в надежде хоть немного оттянуть приближение чего-то неизведанного и неотвратимого. Вот так и жил я последние лет десять. Привычная работа, надоевшая и скучная, зарплата раз в месяц, друзья и подруги, раздражавшие меня своими нечастыми визитами, приносящими лишь дискомфорт и неуверенность. С каждым днем во мне умирал романтик. С каждой прожитой минутой я чувствовал, что невидимые цепи все сильнее сковывают мою пылкую и свободолюбивую натуру. Страшно представить, что вокруг миллион подобных мне людей, не найдя в себе силы воли изменить что-то в жизни, медленно погружаются в топкое болото рутины и безразличия. Страшно представить, что до третьего тысячелетия – рукой подать, каких-то десять лет осталось, они ведь наверняка пролетят незаметно, и мы окажемся на пороге новой жизни, которой вряд ли сможем толково распорядиться...

Вот такие невеселые мысли терзали мой измученный мозг в это неласковое осеннее утро. Сегодня было воскресенье. Я поежился в постели. Вставать не хотелось, часы на стене мерно отсчитывали время. Липкий дождь отстукивал на подоконнике незамысловатую музыку. Холодный влажный ветер измывался над последними листьями на деревьях. Все шло по единому, установленному самой природой плану. Начинался новый бесконечный день.

Я поднялся. Слегка позавтракал. Кофе показался мне

горьким и безвкусным. По телевизору передавали очередную серию какого-то до боли надоевшего фильма. Чтобы немного развеяться, я решил выпить. В холодильнике оставалась недопитая бутылка коньяка. Стало легче, однако тоска не уходила. Порывшись в карманах пиджака, я достал записную книжку. Номер моей очередной знакомой пришлось набирать несколько раз, прежде чем на другом конце провода я услышал сухой обиженный голос. С Наташей мы поссорились неделю назад. Так как первым позвонил я, она, чувствуя свое преимущество, говорила с полной уверенностью в своей правоте. Мне не хотелось ее переубеждать. Все быстро уладилось, и мы договорились, что я заеду за ней на своих «Жигулях» ровно через час.

Выйдя на улицу, я поднял воротник плаща и поежился от холодного, пронизывающего ветра. Дождь не переставал, изливая на землю бесконечные потоки влаги. Неловко переступая образовавшиеся лужи, я направился к гаражу. Моя старенькая «шестерка» уютно расположилась в своей колыбели. Она, как и ее хозяин, не слишком любила такую погоду. Только сев за руль автомобиля, я вспомнил, что забыл в кармане куртки водительское удостоверение. Возвращаться домой не хотелось, тем более что Наташа жила недалеко, всего-то надо было свернуть на Федосеевский поворот.

Машин на автостраде было совсем немного, и я уверенно нажал на педаль акселератора, увеличивая скорость. В приемнике ободрающе замурыкала знакомая битловская тема.

Хоть на минутку захотелось себя почувствовать уверенным и свободным. Однако это длилось совсем недолго. Вылетев из-за поворота, сквозь мокрое стекло я увидел патруль ГАИ. Только такой неудачник, как я, мог так глупо влипнуть. А вот для доблестных работников ГАИ представился удобный случай наказать зарвавшегося водителя. Лейтенант, размахивая своим жезлом, повелительно приказал мне остановиться. Вот тут-то и выиграло во мне обычное человеческое самолюбие. «Накося-выкуси», – пробурчал я себе под нос и прибавил газу. Дальше все продолжалось как в захватывающем кинобоевике. Если даже в кино погоня будоражит нервы, то можете себе представить, каково это на самом деле. Милицейский «Москвич» повис у меня на хвосте, но я уже почувствовал себя спокойно и уверенно. Что-что, а машину водить я умел. Из-под колес в небо поднимались тысячи брызг, а стеклоочистители еле успевали смывать со стекла потоки жидкой грязи. Им сзади приходилось нелегко. Да и движок моей «шохи» работал как часики. Лихие охранники правопорядка стали отставать.

Вдруг сзади раздались выстрелы.

Дело принимало серьезный оборот. Милиция стреляла без предупреждения, и это меня несколько озадачило. Попади они сейчас в крышку моего автомобиля на такой скорости, и мне практически невозможно было удержать машину на скользкой дороге. Слава богу, что только в кино доблестная милиция попадает в цель с первого выстрела. Впереди

был крутой поворот, и я успел сбавить скорость, хотя меня чудом не выбросило на обочину. Видимо, за рулем «Москвича» сидел не слишком классный водитель. В зеркало заднего обзора я успел заметить, как машина преследователей пошла юзом и через мгновение ее занесло в кювет. Я молил Бога, чтобы она не перевернулась. Однако Бог меня не услышал.

Этот день можно было смело записать мне в пассив. Неудачи сыпались как из рога изобилия. Будучи вполне лояльным гражданином этой не вполне нормальной страны, я решил вернуться и оказать первую помощь пострадавшим. Зрелище было не самое приятное. Машину выбросило на обочину и слегка помяло. Однако подойдя поближе, я увидел, что люди, к счастью, не пострадали.

Я помог выбраться из «Москвича» перепуганному лейтенанту. Водитель, молодой сержант, вылез сам. Его бледное лицо не предвещало ничего хорошего. Весь героический пыл у них явно прошел, а ненависть в глазах говорила о многом. Первым меня ударил сержант. Ударил внезапно и довольно сильно. Я не ожидал столь быстрой развязки, поэтому упал на колени. Дальше в дело вступил лейтенант. Били сильно и умело, пытаясь выместить на мне свою скопившуюся боль и обиду. Я закрывал голову руками, чувствуя, как в душе поднимается горький ком злобы. О пощаде просить не было смысла. Все аргументы были на их стороне.

Наступил момент, когда я почувствовал, что теряю созна-

ние. Пожалуй, они готовы были забить меня до смерти, чувствуя свою безнаказанность и мое бессилие. Но это продолжалось мгновение. Из последних сил я зацепил за ногу сержанта, после чего он, на секунду зависнув в воздухе, рухнул в грязь, словно мешок с отрубями. Лейтенант, не ожидая сопротивления, несколько растерялся и тут же получил хороший боковой удар в челюсть. В детстве среди своих сверстников я совсем не был пай-мальчиком. Хотя драться мне не приходилось уже давно, но уроки, полученные в юности, сейчас явногодились.

Оказав сопротивление ментам, я тем самым ухудшил свое и без того незавидное положение. Дальше было и того хуже. Из подоспевшего на помощь милицейского «уазика» выскочило двое с автоматами наперевес. Последовали выстрелы в воздух. Отскочив в сторону, я спрятался за «Москвич», но было уже поздно. Сопrotивляться я не мог, впрочем, это являлось абсолютно бесполезным занятием. Мои романтические приключения закончились резким ударом приклада по голове, после чего сознание покинуло меня, и я рухнул в черную бездонную пропасть...»

Глава первая

В девять утра Денис Грязнов, директор частного охранного предприятия «Глория», с облегчением вошел в свой офис. Сегодняшняя дорога на работу ему настроения не прибавила, на своем хоть и не очень крупном, но все-таки джипе он чудом избежал нескольких столкновений. В офисе «Глории», располагавшемся в цокольном этаже старинного здания на Неглинной улице, был пока только один компьютерный гений Макс. Макс, впрочем, стены конторы покидал нечасто, так что удивляться его присутствию не приходилось, остальные же сотрудники – матерые оперативники Голованов, Демидов, Щербак, Агеев и недавно присоединившаяся к честной компании Алла Снегур,¹ приезжали позже. Тем более сейчас, когда срочной работы никакой не имелось и, по большому счету, детективное агентство простаивало, изредка подкармливаясь за счет ревнивых супругов или обокраденных автовладельцев.

– Что нового на компьютерном фронте? – поинтересовался Денис, вешая куртку.

Макс немного отклонился от монитора и посмотрел на него скептическим взглядом:

– И ты действительно хочешь это знать?

---

¹ См. роман Ф. Незнанского «Заснувший детектив» (М., 2003).

– Почему бы и нет?

– Пожалуйста. – Он прочитал с экрана: – Москвичи отметили день жестянщика. По данным ГИБДД, за минувшие выходные в Москве произошло пятьдесят три серьезных ДТП, в которых погибли девять и получили травмы пятьдесят человек...

– Я же не просил тебя новости читать! – возмутился Денис, еще не отошедший от своего автородео.

Макс не реагировал:

– ...При этом мелких аварий зарегистрировано более полутора тысяч. Официальный представитель ГИБДД Москвы заявил, что к началу рабочей недели ситуация на дорогах несколько нормализовалась. Интенсивность транспортных потоков сегодня даже несколько ниже нормы, вероятно, многие водители еще не подготовили транспорт к зимним дорогам и поэтому воздержались от поездок».

Денис махнул на него рукой и пошел в свой кабинет. Если Макс читал новости, значит, ничего более срочного в повестке дня не имелось.

Оказалось, однако, что это не совсем так. На столе у него лежала записка от Всеволода Голованова: «Денис, позвони Гордееву».

Голованов в отсутствие Дениса традиционно его замещал, это знали все давние партнеры, и неудивительно, что именно через него могли передать что-то важное.

Денис пожал плечами и взялся уже было за телефон, но

передумал и вернулся к Максусу.

– Сева здесь был сегодня?

Макс кивнул, не поворачивая голову от экрана.

– И что? Ты говорить разучился?

– Да ничего. Пронесся как метеор, с выпученными глазами, ничего не сказал, забежал к тебе в кабинет и через минуту уже умчался.

– Когда это было?

– Минут за двадцать до тебя.

Ладно, тут ничего не поделаешь. Денис вернулся к себе и позвонил Гордееву. Гордеев был адвокатом, работал в десятой юрконсультации на Таганке, и он точно уже сидел на работе, у него ее всегда хватало. Так что на рабочий телефон Гордееву Денис и позвонил.

– Юра, привет.

– Здорово, Денис. Можешь потерпеть полминутки, я по другому телефону... – Не дожидаясь ответа и не кладя трубку, Гордеев принялся кому-то втолковывать, вероятно продолжая прерванный разговор: – Нет, без моего присутствия ни с кем не разговаривай! Ни в коем случае! Ладно... Денис, ты не поверишь, чем приходится заниматься, я, когда узнал, хохотал минут пятнадцать. Ну, может, десять.

Денис подумал, что для Гордеева, у которого вся жизнь расписана по минутам (здесь клиент, там встреча), это действительно круто. Гордеев тут же вкратце рассказал малореалистичную историю, в результате которой у него появился

новый клиент.

Позавчера поздно вечером, а точнее даже ночью, в заведение под названием «Сверхзвуковая пицца», процветающее в подмосковном Зеленограде, поступил большой заказ. Курьер оперативно отправился по названному адресу. По условиям доставки, если курьер затратил на поездку более получаса, заказчики могут не платить. Памятуя об этом, курьер ехал на довольно приличной скорости. Когда до фермы оставалось буквально несколько сот метров, курьер выехал на развилку. Увидев нужный указатель, он повернул налево. После поворота он увидел заградительные сооружения, резко затормозил, но было уже поздно. Его автомобиль сорвался с обрыва. Пролетев по воздуху десяток метров (!), машина врезалась в раскидистую крону росшего внизу дуба и... застряла на дереве. Лето выдалось дождливым, так что листья долго не опадали. Курьер не стал испытывать судьбу и самостоятельно выбираться из машины. Оценив ситуацию, он начал сигналить в надежде, что кто-нибудь его услышит. Сигналил часа два, прежде чем его заметили.

– Парковка на дереве, – усмехнулся Денис.

– Ну! Как оказалось, какие-то хулиганы поменяли местами дорожные указатели. Менты уже занялись поисками злоумышленников. А парень теперь хочет подать в суд на своих работодателей.

– Это он американского кино насмотрелся. Ты бы ему отсоветовал.

– Ни за что! Мы из них выдоим кругленькую сумму за то, что они своих сотрудников на нарушение правил вождения провоцируют. Так зачем ты звонишь? – спохватился Гордеев.

– Я зачем звоню? – изумился Денис. – Издеваешься, что ли? Ты же сам просил меня позвонить?

– Что-то не припомню, – после паузы признался Гордеев. – Сейчас полистаю ежедневник...

– Юрий Петрович! – начал терять терпение Денис.

– А... когда я тебя просил?

– У меня на столе лежит записка: «Позвони Гордееву».

– Очень интересно. И что же, моей рукой написана?

– Нет, написал ее Сева Голованов, но я думал, что это ты ему...

– Нет, – отрезал Гордеев и положил трубку.

Видно, несмотря на нового клиента, настроение у адвоката с утраца было не ахти, немудрено, что разговор вышел скомканный, тем более что и беспредметный. Теперь Денис позвонил Голованову на мобильный. Но у того номер был заблокирован.

– Это еще что за новости! – сказал вслух разозленный директор «Глории», но тут дверной колокольчик возвестил о том, что в офисе появился еще кто-то из сотрудников. Может, Сева, который наконец все сам и объяснит?

Оказалось – Филя Агеев. Страстный автолюбитель, тоже едва не пострадавший по дороге на работу, он принялся жи-

во обсуждать с Денисом московские транспортные проблемы. Однако Грязнову-младшему было не до того.

– Ты Голованова видел?

– Вчера вечером, как и ты, наверно... Черт возьми, Дэн, да там же снег пошел! – завопил Филя, тыча в окно.

Денис отвлекся. Действительно, снег падал крупными хлопьями, немного лениво и не совсем натурально. Словом, как в кино. Ну и что ж такого, что середина октября, бывало, и раньше выпадал.

А Макс, немедленно уловивший перемену разговора, тут же зачитал очередную интернетовскую новость:

– Передает РИА «Новости». Транспорт, мешающий уборке улиц в столице, будут перемещать эвакуаторами. Об этом на совещании в столичном ГИБДД сообщил руководитель Центра организации дорожного движения правительства Москвы. Машины, мешающие уборке, будут перемещаться на ту дистанцию, где они мешать уже не будут. А если окажутся в неполюженном месте, то и вовсе будут перемещены на штрафную стоянку. В настоящее время уже подготовлено сорок семь эвакуаторов.

– Типун тебе на язык! – одновременно сказали Денис и Филя, часто в спешке ставившие машины где попало.

В общем, оказалось, что ничего нового о Голованове Филя не знает. Денис позвонил Щербаку, все-таки Николай с Севоной были ближайшими друзьями и часто работали в паре. Но и Щербак ничего не знал. Он лег в пять утра, и Денис

разбудил его своим звонком.

– Шеф, – поинтересовался Щербак. – Могу ли я теперь с чистой совестью отключить телефон, поскольку с высоким начальством уже пообщался?

– Спи хоть до вечера, – не возражал Денис.

После этого он связался с Владимиром Афанасьевичем Демидовым, больше известным в народе как просто Демидыч, и с Аллой Снегур, больше известной как просто Алла. Они тоже ни о Голованове, ни о каких-то новых делах, с ним связанных, ничего не ведали.

В течение следующего часа Денис каждые пятнадцать минут названивал Голованову, но – безрезультатно.

– Может, мне домой к нему съездить? – предложил Филя. – Все равно делать нечего.

Денис не возражал, Голованов жил не слишком далеко, в районе метро «Фрунзенская», кстати говоря, в двух кварталах от Александра Борисовича Турецкого, видного деятеля Генпрокуратуры и большого друга «Глории» вообще и Дениса в частности.

Филя уехал, а Денис вернулся к себе в кабинет и тоже принялся изучать новости, не последнее дело в работе детектива, между прочим.

Что же заставило Голованова написать эту записку? (Учитывая, что сам Гордеев при этом ни сном ни духом?!)

Денис просмотрел различные криминальные сводки. Раумеется, за прошедшие сутки в столице всего случилось в

достаточном количестве. Пара убийств (одно раскрыто), одно самоубийство, несколько ограблений, штук пятнадцать ДТП. ДТП, хм... Но не о доставщице пиццы же, в самом деле, шла речь?!

Хотя, с другой стороны, почему бы и нет?

Обычно ведь взаимодействие с Гордеевым как происходило? Какому-нибудь клиенту Дениса помимо сугубо физической защиты требовалась квалифицированная юридическая помощь, и тогда его направляли в консультацию номер десять. Или напротив, подопечный Гордеева сталкивался с недвусмысленной угрозой собственной безопасности, тогда уже Гордеев не забывал о своих друзьях и подкидывал им халтурку.

Голованов с компьютером был не особенно в ладах, так что едва ли он стал бы черпать новости из Интернета, скорее уж из «Известий» или «Коммерсанта». Но ведь электронные версии этих же самых газет можно легко найти в Интернете, не говоря уж о том, что все печатные издания пользуются услугами одних и тех же информационных агентств.

«К выходным ожидается потепление...»

Неплохо бы, подумал Денис, а то мы к зиме как-то еще морально не готовы. Он посмотрел в окно. Снег уже просто валил стеной, природа совершенно взбесилась. Что-то к вечеру будет?

*«Арестован контрольный пакет акций компании
«Ойл индастри...»*

Кому принадлежит эта «Ойл индастри»? Кажется, одна из крупнейших отечественных нефтяных компаний. Какая-то известная фамилия вертится в голове... Неужели Голованов тут какую-то работку учуял? Маловероятно.

«Военный диплом оценили в рублях».

Понятно, тут речь идет о Военном университете Минобороны. Там начинается эксперимент по платному образованию.

«В Москве грядет эвакуация транспорта».

Это как раз то самое, что Макс зачитывал.

«На российском фондовом рынке – паника...»

Ага, паника – из-за ареста контрольного пакета акций «Ойл индастри». Ну и фиг с ними, надоели уже.

«Экипаж „Союза“ лишних кнопок не нажимал».

Ну да, там у космонавтов при приземлении что-то включилось, что не должно было, и они сели как-то не так. Не иначе чужой на борту завелся...

Тут звякнул колокольчик, но Денис решил, что это вернулся Филя, и даже не потрудился встать. Однако через несколько секунд к нему в кабинет стремительным шагом вошел Голованов и, не здороваясь, спросил:

– Ты уже договорился с адвокатами?!

– С какими адвокатами? – осторожно спросил Денис, на всякий случай отодвигаясь вместе с креслом на колесиках. Уж очень нездоровый вид был у Севы. – О чем договорился?

«...Придя в себя и почувствовав тупую ноющую боль во всем теле, я попытался оценить сложившуюся ситуацию. В камере предварительного заключения на заплыванном холодном полу я, наверно, выглядел до нелепости глупо и жалко. Они даже не побеспокоились снять с меня наручники, и стальные кольца больно впились в запястья. Винить мне было некого, только по собственной глупости я оказался в столь удручающем положении.

Не знаю, сколько продолжалась эта мука, но уверенность постепенно стала возвращаться. В конце концов, так устроена человеческая натура, всегда хочется верить в лучшее. Смирившись с тем, что произошло, я решил предоставить событиям идти своим чередом. Будь что будет. Нельзя же все время думать только о плохом. Жаль, конечно, что Наташа

так и не дождалась меня.

Трезво оценить обстановку у меня не было возможности, дверь камеры открылась, и на пороге я увидел довольно серьезного человека в штатском. Это был следователь. По его приказу с меня сняли наручники, но легче от этого не стало. Следователь объяснил мне всю сложившуюся ситуацию, после чего в камере, как мне показалось, запахло жареным. Прежде всего, меня обвинили в оказании сопротивления органам охраны правопорядка. Потом шла целая череда мелких и не очень нарушений. Вождение в нетрезвом состоянии, превышение скорости вождения, оскорбление работников ГАИ и нанесение последним телесных повреждений. В общем, букет вышел что надо. Мне оставалось только сидеть и слушать, какой я плохой и потерянный для общества элемент. Кроме всего прочего, мне грозила конфискация транспортного средства, лишение водительских прав и возмещение морального и материального ущерба пострадавшим. Я-то думал, что уже возместил ущерб, подставив свою физиономию под удары милицейских сапог.

В общем, в течение нескольких часов из вполне добропорядочного гражданина я превратился в закоренелого и довольно опасного уголовника.

Когда следователь ушел, я понял, что спасти меня может только чудо. Хотя в этот дурацкий день все чудеса выходили мне только боком.

Затекшими руками я машинально стал шарить по карма-

нам пиджака. Бумажник, часы, микрокалькулятор и дорогая авторучка куда-то бесследно исчезли. Ремень на брюках тоже. Видимо, «жандармы» боялись, что я втихаря повешусь у себя в камере. В этом им следовало отдать должное. С юношеских времен я не попадал в милицейский участок, однако следует признать, что за это время нравы и порядки здесь особо не изменились.

Из всего, что было в карманах, осталась только потрепанная записная книжка. Она не представляла для них особого интереса. От нечего делать я решил полистать ее затертые страницы. Тем более что времени у меня было предостаточно. Вот тут-то мне и попался на глаза один интересный телефон.

Несколько лет назад, в безоблачные студенческие годы, у меня была одна очень хорошая знакомая. Звали ее Виктория. Она довольно быстро сходилась с нужными людьми и успешно делала карьеру благодаря своим внешним данным. Ее сексуальный потенциал вскружил голову не одному поклоннику. К сожалению, я не был исключением. Именно из-за Виктории меня чуть не вышибли с четвертого курса исторического факультета. Однажды она попросила меня поговорить по-мужски с одним из надоевших ей ухаже-ров. Парень этот оказался довольно упрямым и несговорчивым, в результате чего ему пришлось попасть в больницу, а мне с разбитой физиономией слушать на комсомольском собрании долгие тирады о том, какой я безответственный и

несознательный. В конце концов, дело было улажено. Меня исключили из комсомола, а Виктория убрала со своего пути очередную преграду. Она поклялась, что отныне она мой должник навеки, но после этого очень скоро нашла себе еще более крутого друга. Впрочем, я никогда об этом не жалел.

После окончания Кемеровского университета моя любвеобильная знакомая продолжала восхитительное шествие наверх. Я слышал, что она разбила не одну семью и в конце концов успокоилась, выйдя замуж за одного из самых влиятельных людей в городе. Не беда, что Максим Робертович Штрассер был старше Виктории на двадцать лет. Любви, как говорится, все возрасты покорны. Ее муж успешно занимался банковскими операциями и был директором регионального инвестиционного банка. Из этого не сложно заключить, что деньги у четы Штрассеров водились. Поговаривали, что Максим Робертович имеет огромные связи и под его дудку пляшут многие уважаемые в городе люди, а сама Виктория имеет большое влияние на своего мужа, чему может позавидовать каждая женщина. Впрочем, меня эти сплетни до сегодняшнего дня совсем не волновали. Однако сейчас, когда я по уши завяз в дерьме, домашний телефон Виктории Анатольевны Штрассер являлся последним шансом на лучшее. В другой ситуации я никогда бы не решился потревожить ее покой, но сегодня сам Бог послал мне надежду. Конечно, я не был уверен, что она меня еще помнит, ведь прошло столько времени, однако выбирать не приходилось. Попытка, как

говорится, не пытка.

Мне довольно долго пришлось звать дежурного сержанта. Он открыл дверь с непреодолимым желанием добить меня, но очень быстро его ярость сменилась на милость. Из этого я сделал вывод, что М. Р. Штрассер действительно большой человек. Номер мне пришлось набирать в присутствии нескольких милицейских чинов. Они с нескрываемым любопытством и заинтересованностью следили за моими действиями. Трубку долго не поднимали. Я в ужасе смотрел на часы и чувствовал, как нарастает в душе паника. Не хватало еще, чтобы никого не было дома. Однако Бог не совсем отвернулся от меня. Через мгновения, показавшиеся мне вечностью, я услышал грубый мужской голос:

– Алло!

По-моему, это даже не был Штрассер. Такого поворота я не ожидал, поэтому проямлил в трубку:

– Пригласите, пожалуйста, Викторию Анатольевну...

Последний раз мы встречались с ней на вечеринке бывших сокурсников. Прошло лет пять, и мой звонок могли расценить как бестактность, но что я мог поделаться?

– Извините, кто ее спрашивает?

– Это старый знакомый. Мы вместе учились в Кемеровском университете.

С каждым словом я чувствовал, как беспомощно замирает в груди сердце.

– Назовите себя.

Мне ничего не оставалось, как сделать это. В трубке что-то зашуршало, и возникла немая пауза. Сейчас решалось очень многое. И вдруг, словно бальзам на раны, я услышал: – Привет, Леха! Как поживаешь?

Что мог ответить Леха, кроме того, что поживает он довольно плохо. Милиционеры рядом насторожились, их уши, казалось, выросли до невероятных размеров.

Только теперь до меня дошло, что телефонную трубку сначала поднял один из ее телохранителей и об этом звонке будет конечно же доложено мужу. Просто по счастливой случайности Вика оказалась рядом. Видимо, сегодняшний день был не совсем пропашим. Внимательно выслушав мой незамысловатый рассказ, она весело расхохоталась, что несколько меня озадачило. Мне-то было совсем не до смеха. Все происшедшее в ее глазах выглядело довольно романтично, и я почувствовал, что мои ставки повысились. Виктория хорошо помнила свой должок, кроме того, мне показалось, что нахлынувшие воспоминания доставляют ей удовольствие. Еще бы, она и не подозревала, что после стольких лет безоблачной жизни я оказался способным на такие крутые поступки. В ее воображении из заурядного работника районо я стал таким ковбоем с Дикого Запада, грозой всей городской милиции. Наш разговор закончился на мажорной ноте, вселившей в меня уверенность и надежду.

Дальше все пошло как по маслу. Через некоторое время позвонил полковник Колотов, чем еще больше озадачил мо-

их охранников. Из мелкой сошки я вдруг стал уважаемым человеком, с которым вышла небольшая накладочка.

Через пару часов меня уже везли домой в милицейской машине. Капитан, сидевший рядом, иногда одаривал мою скромную персону недобрим взглядом, но сохранял вежливость и чувство такта, за что я был ему весьма признателен. Мне не хотелось своим присутствием ставить их в неловкое положение. На одной из центральных улиц я попросил меня высадить, решив прогуляться до дома своим ходом. Не хотелось, чтобы соседи, не дай бог, видели, с каким почетным эскортом я возвращаюсь домой.

Дождь перестал, только слякоть и легкий туман еще больше подчеркивали осеннюю тоску, охватившую город. От одной мысли, что в одинокой квартире я опять вернусь на круги своя и буду сдыхать от скуки, становилось тошно. Я решил зайти в ближайший бар и промочить пересохшее горло, благо бумажник мне вернули.

В баре было накурено и душно, но легкая джазовая музыка ласкала слух. Мой вид не привлекал особого внимания. Взглянув в зеркало, я даже решил, что выгляжу вполне мужественно. Синяки и ссадины украшают настоящего мужчину. Бармен окинул меня безразличным взглядом, но когда увидел в моих руках крупную купюру, сразу стал вежлив и обходителен. После первого коктейля, выпитого почти залпом, мне стало полегче. По телу прокатилась приятная теплая волна. Боль затихала. Только самый безжалостный чело-

век мог осудить меня за эту слабость. После всего пережитого хотелось душевного равновесия и спокойствия. Немудрено, что через короткий отрезок времени я изрядно накачался. Все окружающие люди стали несколько ближе, и мне захотелось признаться кому-то в любви.

Именно в этот критический момент в дверях бара появилась Виктория. Сама судьба сделала так, чтобы мы встретились, и я был ей несказанно благодарен. Она вошла в зал, шокируя присутствующих своим элегантным платьем, на запястьях тускло поблескивали массивные золотые браслеты, а на шее искрилось всеми цветами радуги умопомрачительное бриллиантовое кольцо. Для такой забегаловки эта девочка была несказанно дорогим гостем. Краем глаза я заметил, как отвисла у бармена его лошадиная челюсть. Вику сопровождали двое внушительного вида парней, от которых трудно было ожидать хороших манер обхождения. Тем не менее они, словно маленькие послушные котята, следовали за хозяйкой, внимательно разглядывая присутствующих. По знаку своей госпожи ребята сели за ближайший столик. Виктория же, изящно виляя своими шикарными бедрами, поплыла в мою сторону. Я чувствовал запах ее французских духов, а сам, сдерживая дыхание, старался не упасть в обморок. Слишком много впечатлений за сегодняшний день могло негативно отразиться на моем здоровье.

Она ничуть не изменилась. Все тот же хитрый блеск обволаживающих глаз, все та же многообещающая улыбка, толь-

ко движения еще больше стали похожими на кошачьи. С этой бабой надо было держать ухо востро, но после выпитого мои уши обвисли, как лопухи.

– Привет, милый. Как я рада тебя видеть!

От этих слов я расплылся в глупой улыбке, как самодовольный осел.

– Здравствуй, милая! Как можно выразить мою огромную признательность тебе?!

Я широко развел руки, желая обнять ее и прижать к своему страдавшемуся сердцу. Однако вовремя спохватился, заметив некоторое оживление ее крутых спутников. Она засмеялась и шаловливо потрепала меня за ухо:

– А ты такой же шалун, как и был. Ты совсем не изменился, разве что стал чуть более солидным и даже сексуальным.

После таких комплиментов я почувствовал, что за спиной вырастают крылья, еще немного, и моя душа готова была воспарить под потолок. Слышать столь лестные слова из уст такой умопомрачительной женщины было выше моих сил.

Поинтересовавшись, что она будет пить, я заказал два коктейля. Разговор проходил в теплой дружеской обстановке.

– Знаешь, я просто с ног сбилась, разыскивая тебя. Хорошо, что джигиты полковника Колотова подсказали, где тебя искать. Ну и наслушалась я сегодня о твоих приключениях.

Она не скрывала своего восхищения моим «геройством», и я вырос в собственных глазах на целую голову. Выпитое

еще больше раздуло мое самолюбие. Мне льстило, что для Виктории я стал чуть ли не Джеймсом Бондом.

– По всей видимости, ты и сейчас в хорошей спортивной форме. А помнишь, Леха, как ты на четвертом курсе отделал одного нахала? Тебя еще из комсомола за это выперли...

Конечно, как я мог не помнить эту историю. Именно из-за нее по окончании универа я получил самое плохое распределение и в конечном счете стал тем, кем есть. В районном отделе народного образования до сих пор удивляются, как я со своими талантами не могу сделать себе карьеру. Впрочем, это мои личные проблемы, и к делу они не относятся. В тот момент я совсем не считал себя простым низкооплачиваемым чинушей.

Но Виктория недаром вспомнила событие столь давнего времени. Оказывается, тот парень, о котором я успел позабыть, впоследствии развернул в городе довольно прибыльное дело. Бабки лопатой загребал, пока не перешел кому-то дорогу. Несколько лет назад его нашли в городском пруду с ножевыми ранениями. Убийцу так до сих пор и не обнаружили. Эта мрачная история навевала тоску. Мы выпили за светлую память безвременно ушедшего человека, после чего Вика пустила слезу.

– Знаешь, Леха, я ведь его любила, у нас ведь с ним довольно серьезно было. Впрочем, какое тебе дело до моей любви... Но знаешь... Мне ведь тоже не легко. Столько мрази вокруг. Те, кого мы считаем хозяевами этого города, на

самом деле последние подонки.

– Ну, если говорить о сильных мира сего, то твой муж как раз принадлежит к этой компании.

– А что муж? Он тоже свинья порядочная. Накупил мне побрякушек и тряпок, а самого главного не дал.

– Насколько я помню, побрякушки и тряпки занимали не самое последнее место в твоей жизни?

Она смерила меня презрительным взглядом. На мгновение в ее глазах я прочел едва скрываемую ненависть.

– Ну и дурак ты, Леха. Многого не понимаешь, да и не поймешь. Это потому, что у тебя никогда не было денег. Настоящих денег. Ты вот сейчас сидишь за стойкой и пропиваешь последнюю зарплату, а завтра пойдешь у соседей деньги до получки занимать.

Как ни обидно мне было слышать подобные заявления, однако справедливости ради надо сказать, что Вика была права. Тем не менее я полез в бумажник и, вытащив последнюю сотню, еще заказал выпивку.

– Да уймись же ты. И так лица на тебе нет. Я ведь тебя не зря искала. Дело у меня к тебе есть. Заработать хочешь?

Я широко раскрыл глаза от изумления. Никогда не подумал бы, что Виктория способна говорить о делах с такой мелкой сошкой, как я.

– Я думаю, тебе совсем не помешает штука баксов?

Она видела, с каким интересом я слушал ее слова. Это придало моей знакомой еще больше уверенности.

– Понимаешь, в моей семейной жизни возникли некоторые проблемы. Мой суженый, как я уже говорила, порядочная свинья. Однако в последнее время он еще и кобелем сделался.

– Ну, мать! Никогда не поверю, что этот старый плавучий чемодан может изменить такой красавице, как ты.

– Годы идут, Леша, на арену более молодые выходят. У него секретарша Люська Звонарева знаешь какая цаца? Я бы ее, суку, на куски разорвала. В общем, все вы, мужики, приударить на стороне любите. Я это, конечно, понимаю, сама не без греха, но вот только разговоры по городу идут разные. Понимаешь?

Я, конечно, ничего не понимал, но сделал из последних сил довольно умную рожу.

– В общем, мне бы хотелось, чтобы ты хорошо проучил этого старого кобеля. Ну не сильно, конечно, а так, пару раз двинул ему, может, поумнеет. Скажешь, что бывший парень этой Люськи. Ты – лицо постороннее, тебя почти никто из наших не знает. Сделаешь дело, получишь бабки – и в отпуск куда-нибудь в Анталию. Ну как? Пойдет?

Я в нерешительности развел руками.

– Ну ладно, ковбой, смелее! Вспомни старые добрые времена. Ты ведь за меня в огонь и в воду готов был. Может, тебя деньги не устраивают? Так мы ставки повысим. Хочешь кусок баксов? А?

– Нет, дорогая, я соглашусь только за миллион.

По лицу Виктории пробежала еле заметная судорога. Мне показалось, что она несколько встревожилась и неправильно отреагировала на мою шутку.

– Слушай, Вика. Ты же прекрасно знаешь, что у Штрассера полно телохранителей. Они ему и шагу ступить не дадут. Ну а меня, извини, с дерьмом смешают при случае.

– Успокойся. Он к этой крале один ездит. Бойтся, что телохранители сдать могут. Я ведь ужас какая ревнивая.

– Это точно, – сказал я и лукаво ей подмигнул.

Терять мне, кроме своих оков, было нечего. А тысяча долларов и в самом деле на дороге не валяется. Тем более благодаря Виктории я выкрутился сегодня из очень крутого переплета. словно читая мои мысли, она произнесла с серьезным выражением:

– Думаешь, мне легко было тебя у милиции отмазать?! Считай, что ты в рубашке родился. За эту невинную шалость сидеть бы тебе в колонии строгого режима. А это, сам понимаешь, не сахар. Они ведь тебя опасным для общества считают. Говорят, что у тебя явный рецидив налицо. То есть ты и на большее способен. Вот такие конфетки.

Никогда не думал, что моя природная импульсивность может быть раздута до вселенских масштабов. Однако события сегодняшнего дня говорили о многом. Я, конечно, мог отказаться, но такой тонкий психолог, как бывшая моя сокурсница, почти наверняка знала, что я не устою против соблазна. Мне оставалось только положиться на ее интуицию.

Виктория все хорошо рассчитала: отказать такой обворожительной красавице означало полностью упасть в ее глазах. Такое мог позволить себе только кретин, а не такой орел, как я.

– Ну хорошо, допустим, я согласился. Когда мы приступим к проведению нашего мероприятия?

– А прямо сейчас, – ответила она, кокетливо подмигнув своими голубыми глазками...»

Глава вторая

Сева Голованов уставился на своего шефа немигающим взглядом.

– Как это – с какими адвокатами? – удивился он. – С нашими, нашими адвокатами!

– Извини, Сева, – сказал Денис, – ты сегодня хорошо спал?

– Я вообще не спал, но это к делу отношения не имеет. Звони Гордееву!

– Я уже ему звонил. Он знать ни о чем не знает. Он говорит, что с тобой ни по какому поводу не общался и что мы в полном маразме, если...

Договорить не дал телефонный звонок.

– Да! – раздраженно сказал Денис, включив звук на базе и не беря трубку в руки.

– Денис, срочно приезжай, – затараторил Гордеев. – Это не терпит отлагательств. Срочно, ты понимаешь, срочно!!!

– Юра, я же час назад с тобой говорил?! Что изменилось за это время?

– Все, буквально все изменилось! У меня здесь клиент – просто специально для тебя.

Денис посмотрел на Голованова. Тот только пожал плечами: мол, а я что, я – ничего, я предупреждал.

– Может, ты хочешь с Севой поговорить? – спросил Денис

у Гордеева.

– Захвати его с собой, если считаешь нужным, – сказал Гордеев и в обычном своем английском стиле бросил трубку.

Денис понял, что дальнейшее выяснение отношений – напрасная потеря времени, кивнул Голованову, и они последовали на улицу. Там пришлось сбросить с Денисового «форда-маверика», чаще именуемого Бродягой, уже немалый слой снега.

– Нет, ты можешь в это поверить, а? – осведомился Денис, прогревая двигатель.

– Еще и не такие убийства случались, – хладнокровно ответил бывалый сыщик Голованов.

– Да я о погоде...

По дороге Голованов рассказал суть истории. Вчера был застрелен депутат Госдумы Глаголев. Это произошло примерно в половине восьмого вечера, у него во дворе. Депутат вернулся после рабочего дня, вышел из машины и... отдал богу душу. Киллер поджидал где-то рядом.

– Подожди, подожди, – перебил Денис. – Я читал криминальную хронику и вообще новости просматривал, нигде – ни звука. А ведь это громкое дело. Как же так?

– Да очень просто. Не тебе мне рассказывать, газетчики налетают как мухи на мед, только когда им кто-нибудь стукнет. А тут менты четко сработали. Живо приехала опергруппа, со всех свидетелей взяли строжайшую подписку о неразглашении, ну и все такое... Все всегда, знаешь ли, надеются

раскрыть заказное убийство по горячим следам.

– А ты тогда откуда об этом знаешь?

– Член опергруппы, сыщик из МУРа, – мой приятель. Я как раз у него в гостях был, когда сигнал поступил. Ну и поехал за компанию. Так что это уже второй жмурик. Тенденция, однако, Денис... Осторожно, бабушку не задави!

– Все равно ничего не понимаю, – признался Денис, вырывая чуть ли не на тротуар, чтобы объехать старушку с собачкой на поводке длиной в несколько метров – вместе они перегородили всю проезжую часть. – Кто был первый жмурик? И при чем тут мы? И самое главное, откуда ты догадался, что я Гордееву понадоблюсь, прежде чем он сам об этом узнал?!

– Объясняю в порядке поступивших вопросов. Первый жмурик – Юкшин, тоже депутат Думы. Он, как и застреленный вчера Глаголев, был членом партии «Прогрессивная Россия». А точнее, они оба были ее сопредседатели.

– Так-так... – Денис уже подъезжал к Таганке. – Что-то припоминаю. Юкшин, это тот, который с моста на Красной Пресне прыгнул?

– Не сам прыгнул, а его столкнули, – уточнил Голованов. – Это было всего неделю назад.

– Но тело ведь так и не нашли? – продолжал сомневаться Денис.

– Расслабься, начальник, что ж я, нам гнилую работу искать стану? Да ни в жизнь! Тело нашли два дня назад. Чув-

ствуешь связь?

– Может, и чувствую, а может, и нет. Объясни, чтобы на-
верняка почувствовал. И кстати, откуда ты знаешь, что тело
нашли?

– От Вячеслава Ивановича. Могу вас познакомить, он
хоть и генерал, но вполне вменяемый мужик.

Денису оставалось это только проглотить. Вячеслав Ива-
нович был его родной дядя, начальник МУРа и отец-основа-
тель «Глории», между прочим.

– Ладно, – усмехнулся Голованов, – давай немного про-
свещу тебя, темного и аполитичного, чтобы ты перед горде-
евским клиентом лицом в грязь не ударил.

– Так ты знаешь, кто нас там ждет?

– Догадываюсь, – подтвердил Голованов. – Борис Ефимо-
вич Златкин, по всей вероятности, кстати, бывший партнер
Юрки Гордеева.

– А он тут каким боком? – Денис, разумеется, знал Злат-
кина.

– А таким, что именно Златкин в компании с покойны-
ми ныне Юкшиным и Глаголевым, а также еще некоторы-
ми деятелями стоял у истоков, так сказать, «Прогрессивной
России». Искру раздувал, чтобы пламя разгорелось. Он же в
прошлом известный диссидент, да и в настоящем – демократ
не из последних.

– Вот и разгорелось, – мрачно заметил Денис.

– Вот именно. Я ведь как рассуждал? Один сопредседа-

тель утонул – это его личное дело, а когда двое ноги протянули, да почти одновременно, – уже касается целой партии. Значит, дело было так. Вчера вечером видный борец за справедливость депутат Глаголев подъехал к своему дому на Чистых прудах, вышел из служебной машины «ауди» (нехреново живется депутатам!) и направился к подъезду. Со двора выскочил молодой человек и произвел выстрел. Пуля попала в позвоночник. Глаголев упал, а убийца скрылся в том же дворе, откуда появился. К умирающему депутату подбежал водитель его служебной машины Андрей Мазурин. Он услышал лишь последние слова, которые произнес Глаголев: «Это ю...» И все. Полностью слово Глаголев произнести так и не смог. Он потерял сознание и умер на руках Мазурина. Так что не так уж и сладко живется депутатам.

– Это невыговоренное слово напоминает плохой детектив, – хмуро сказал Денис.

– А это и есть плохой детектив, – серьезно ответил Голованов. – По крайней мере, поначалу. В общем, дальше было все как положено: прокурором Москвы Авдеевым возбуждено уголовное дело. На место происшествия выехала оперативно-следственная группа, состоящая из сотрудников прокуратуры, милиции и ФСБ, а также различных экспертов, как криминалистов, так и медиков. Ну и я там затесался. Следствие по горячим следам к раскрытию убийства не привело. Опросили кучу свидетелей, выяснилось, что никто ни хрена не видел. Народ у нас умный стал, как почит, что заказуха,

так сразу же подальше держаться старается.

– Кто возглавил расследование?

– Старший следователь по особо важным делам Мосгорпрокуратуры старший советник юстиции Антон Викторович Васильев. Знаешь такого?

Денис отрицательно покачал головой. Они приехали и вышли из машины.

Голованов был прав, тут действительно имела место быть тенденция – два убитых депутата, два убитых руководителя одной партии... Прямо Карл Либкнехт и Роза Люксембург... Если только, конечно, Юкшина скинули, а не сам он в речку гигнулся. Денис представил себе такой способ самоубийства и передернул плечами. В середине октября?! Брр! Можно и покомфортнее что-нибудь придумать.

– А вдруг, – оживился Голованов, – это Юкшин на самом деле Глаголева прикончил?

– Как это?! – обомлел Денис.

– А так! Всплыл, весь зеленый, в водорослях и медузах! И – бабах! Ты вспомни, какие были последние слова невинно убиенного Глаголева? «Это ю...» Может, он хотел сказать: «Это Юкшин»?!

– Иди к черту, – миролюбиво попросил Денис. – Не смешно... Слушай, Сева, а много их вообще, этих сопредседателей? Чего нам еще теперь ждать?

– Точно не знаю, но Златкин – да, это факт, тоже сопредседатель. Вот я и решил, что сразу же к Гордееву понесется,

как узнает. Только немного опередил события. – И Голованов сделал шаг к крыльцу юрконсультации номер десять.

– Сева, подожди, – придержал его за рукав Денис. – А куда ты сегодня утром умчался, после того как мне записку оставил? И почему ночью не спал?

– Мне сообщили по секрету, что обнаружили подозреваемых в убийстве Глаголева. И разрешили поприсутствовать при задержании. Ночью одного, утром – другого.

– Ну?! – остановился Денис.

– Потом расскажу. – И Голованов подтолкнул своего шефа в адвокатское логово.

«...Из бара мы вышли с Викторией под ручку, как добрые друзья. Она представила меня своим телохранителям, и я не слишком хорошо почувствовал себя под их пронизывающими насквозь взглядами. Ненавижу я эту дурацкую работу – охранять кого-то от себе подобных. Только сейчас я подумал, что у богатых жизнь не такая сладкая, как кажется. Я бы, например, и дня не выдержал, будь со мной постоянно рядом эти отвратные морды. Зачем нужны людям большие деньги, шикарные дачи и дорогие иномарки, если сердце постоянно пронизывает страх за свою шкуру? Одному Богу известно, что на уме у этих натренированных подонков, которые в любой момент могут скрутить в бублик любого человека.

У входа нас ждал обалденный «Вольво-960». В салоне ма-

шины можно было при желании играть в футбол. Мы сидели на заднем сиденье, и от телохранителей нас отделял экран из толстого непрозрачного оргстекла. Это напоминало фильмы о... не помню, в общем, какие-то фильмы напоминало. Машина бесшумно тронулась. Сквозь тонированные стекла я видел пробегающие мимо фонари. Город жил своей обыденной жизнью, полной забот и тревог. Виктория спокойно излагала мне свой план, а я пытался отогнать от себя тревожные мысли. Что-то настораживало меня в этом деле. Но что, я еще не мог откровенно сказать. Голова, разбухшая от побоев и спиртного, отказывалась работать.

Сегодня вечером Штрассер, сказав жене, что работает у себя в банке, на самом деле направился к Люське. Телохранителей он отпустил, и это, конечно, стало известно Виктории. Она не теряла времени даром. За эту черту характера я ее уважал. За любовницей своего мужа обманутая жена следила пристально. И это я понял из разговора. Она знала, что та живет в уютном коттедже на окраине. Этот дом Штрассер снял для нее несколько месяцев назад. Этот не первый свежести любовник разбирался в женщинах. Впрочем, если бы у меня были такие деньги, я бы тоже не скупился на траты.

Максим Робертович пообещал жене, что вернется в одиннадцать часов, а сейчас было половина десятого. В мою задачу входило забрать со стоянки машину и подждать Штрассера возле дома любовницы. А дальше – как бог даст. В принципе я не находил ничего сложного в данном задании.

Но если что-то и не выйдет, то рисковать особо вроде бы не приходилось. Разве что опять попадусь гаишникам за вождение в нетрезвом состоянии. Я был весьма польщен, что Виктория доверяет мне. К тому же тысяча долларов – совсем неплохие деньги. Мы сразу договорились о задатке в пятьсот баксов. Она выдала мне деньги мелкими купюрами по пять и десять долларов. Получилась довольно приличная пачка. Деньги я сунул в карман и уже собирался покинуть свою спутницу, когда она вдруг небрежно кинула мне:

– Если боишься, у меня есть кое-что, способное вселить в тебя уверенность.

Не снимая перчатки, она открыла сумку и извлекла на свет изящную игрушку. Это был аккуратный дамский револьвер с перламутровой ручкой. Я повертел его в руках, сам не зная почему, сунул в карман своих брюк. Господи, прости пьяного придурка!

– Извини, дорогой, но более солидным оружием я не располагаю. Таким слабым женщинам оно просто ни к чему.

– Думаю, оно и мне не пригодится.

Я скорчил идиотскую гримасу, продолжая играть роль киношного героя. Возможно, ее глаза загорелись злорадством, однако она умела скрывать свои чувства.

Через несколько минут я уже поднимался по лестнице. Войдя в квартиру, сразу почувствовал навязчивое желание завалиться в теплую постель и хорошо выспаться. Однако, взглянув на часы, понял, что времени в обрез. Позвонив сво-

ему коллеге, я сказал, что на несколько дней хочу взять отпуск за свой счет, сославшись на недомогание. По правде говоря, я совсем не лгал. Подкрепившись на кухне, достал из морозильника лед и приложил к раскалывающейся голове. Это принесло облегчение. Набив рот жевательной резинкой, я снова вышел на улицу. Настроение было паршивым, что уж тут скрывать. На этот раз я надел кожаную куртку и вельветовые джинсы. Эта одежда не сковывала движений. Машина была припаркована на платной стоянке в двух минутах ходьбы от дома. Открывая дверцу своей «шестерки», я пришел к выводу, что она совсем не виновата в том, каким кретином является ее хозяин. Она всегда выручала меня в трудную минуту, за что я был ей искренне благодарен.

Около половины одиннадцатого я находился в исходной точке. Улица, на которой стоял дом любовницы Штрассера, была тихой и пустынной. Это вселяло уверенность в успехе нашего предприятия. «Жигули» я оставил в укромном месте, а сам расположился невдалеке от калитки. Место выбрал довольно удобное, и видеть меня никто посторонний не мог. Как назло, опять начал моросить нудный осенний дождь.

Было около одиннадцати, когда мое внимание привлекла черная «девятка». Она бесшумно подкатила к дому, не включая габаритных огней. Машина Штрассера, новенький «БМВ-750», стояла на обочине напротив калитки. Штрассер являл собой самую пунктуальность. Ровно в одиннадцать он показался в проеме двери. Попрощавшись с девушкой, он за-

семенил по направлению к калитке. Его тщедушная фигура вызывала во мне отвращение. Таких мужчин бабы могут любить только за деньги. Я уже хотел двинуться ему навстречу, когда из таинственной «девятки» выскочило трое лихих парней. Один из них, подбежав к незадачливому любовнику, схватил его за руку и выхватил увесистый дипломат. Другие сгребли несчастного в охапку и потащили к «Жигулям». Можно было подумать, что здесь работает пресловутая команда «Альфа». Максим Робертович запинаящимся голосом что-то жалобно тараторил. Я разобрал только: «Не волнуйтесь, деньги при мне. Остальное под плитой...»

Вся операция длилась несколько минут. Кроме меня, никто не мог видеть происшедшего. Любопытство раздирало меня на части. Я решил проследить за дальнейшим развитием событий. Тем более что в душу начали закрадываться смутные подозрения. Я уже ни на минуту не сомневался, что в дипломате банкира лежат деньги. Может, это и была излишняя самоуверенность, только вот моя дурная привычка разгадывать нелепые загадки вовлекала меня в странную историю.

Догнать «девятку» не составляло особого труда. В столь позднее время на трассе мы были почти одни, и я специально держал дистанцию, чтобы не вызвать подозрения. Я хорошо знал этот район города. Совсем недалеко отсюда находилось главное городское кладбище, и интуиция подсказала мне, что черная «девятка» движется именно туда. Уже воз-

ле самого поворота я сбавил скорость и пропустил вперед «мерседес». Эту машину знал любой житель нашего города. Она принадлежала королю местной мафии Шведову. Интересные дела происходили этой ночью. Я чувствовал, что становлюсь невольным свидетелем какой-то драмы. Другой бы на моем месте бросил все к черту и отправился домой, в теплую постель, но любопытство просто раздирало мою грешную душу. И потом, я бы никогда не простил себе своей слабости. Предварительно выключив фары, я тоже направился на столь странную вечеринку, правда, в отличие от других, без особого приглашения...»

Глава третья

– Значит, так, молодые люди, во-первых, я никакой не сопредседатель, попрошу это учесть! – Борис Ефимович Златкин, маленький бодренький толстячок, бросил портфель из крокодиловой кожи на стол и забежал по тесному кабинету Гордеева, а все остальные внимательно следили за траекторией его движения. – Особенно на случай, если будете общаться с прессой!

Денис с Головановым переглянулись: боится стать следующей жертвой? А кто бы на его месте не переживал. Денис откашлялся:

– Борис Ефимович, а зачем нам общаться с прессой, и, кроме того...

– Вы разве не понимаете?! Эти ушлые журналюги мигом пронюхают, кто занимается охраной моей, гм... скромной персоны, и тут же возьмут вас в оборот!

Гордеев улыбнулся и незаметно подмигнул Денису.

– Борис Ефимович, во-первых, мы еще не взяли за охрану вашей скромной персоны.

Тут Златкин остановился и в изумлении уставился на Дениса.

– То есть вы отказываетесь?! Вы... – он ткнул коротким пальцем в Дениса, – отказываетесь... – он ткнул коротким толстым пальцем в себя, – от меня?! – Он ткнул коротким

пальцем в потолок: – Вы понимаете, что вы сейчас сморозили?!

– Я еще не принял никакого решения. Для этого я должен обладать хоть какой-то информацией о случившемся, а вы пока что только ставите условия и ничего не рассказываете, – неожиданно грубовато оформил Денис свою нехитрую мысль.

Однако оказалось, это было то, что надо. Златкин немедленно сел, вытащил из портфеля сигару, понюхал ее и отправил в нагрудный карман пиджака.

– Спрашивайте, – скомандовал он.

– Так вы не сопредседатель партии?

– Нет, и тому уже полгода!

– Почему?

– Потому что надо уступать дорогу молодым перспективным политикам. Да, я стоял у истоков партии! Да, я был одним из ее идеологов! – Златкин не удержался и снова вскочил на ноги, сунув одну руку в карман пиджака, другую – за обшлаг. Ни дать ни взять – Ленин на заводе Михельсона. Или, может, Муссолини?

– Борис Ефимович, – негромко попросил Гордеев, и Златкин тут же сел.

– Меня волнует не только собственная безопасность, – продолжил Златкин нормальным человеческим голосом, – но я также обеспокоен расколом в партии. А он неминуем.

– Почему?

– Потому что оставшиеся сопредседатели, к сожалению, не чета погибшим Валерию Сергеевичу и Владимиру Ивановичу. Жидковаты. И еще потому, что раскол – это, несомненно, та цель, которую и ставил себе заказчик этих убийств.

И Борис Ефимович рассказал одиссею своей партии. Год назад он, адвокат Златкин, а также другие лица: известный писатель Валерий Юкшин, предприниматель Владимир Глаголев, доктор философских наук Игорь Похлебкин и популярный тележурналист Андрей Улов – организовали новое политическое движение либерального направления под названием «Прогрессивная Россия». За сравнительно небольшой срок «Прогрессивная Россия» набрала вес и переоформилась в партию, у которой было четыре сопредседателя. Потом их стало пять, потом после добровольной отставки Златкина – снова четыре, а потом снова пять – добавился олигарх Клеонский. За короткий срок «Прогрессивная Россия» завоевала авторитет прежде всего у технической интеллигенции, студентов и, как ни странно, военнослужащих.

Златкин показал программу партии. Там много говорилось о человеческих ценностях. В частности, о том, что «вопрос о ценностях, которыми живет общество, – сегодня основной вопрос России. И политический разброд, и хозяйственная разруха, и нравственный цинизм – все это сводится к вопросу об общественных ценностях. Ценности – это то, что делает общество целым, делает его большим, чем просто набор составляющих его частей...». Златкин рассказал, что

по мнению «Прогрессивной России», помимо общего идейного неблагополучия, царящего сегодня в мире, есть два препятствия на пути формирования целостной системы ценностей в России. Первое – это семидесятипятилетний отрыв во времени от исторических традиций нашей страны. Второе – это не доведенный до конца расчет с советским прошлым, с его ложными ориентирами.

– Очень разумно, – покивал Голованов.

– Еще бы! – воодушевился Златкин поддержкой «простых избирателей». – В результате, с одной стороны, российские реформы подставляют себя под обвинение в копировании Запада, в том же «монетаризме», хотя именно монетаристская реформа Витте в тысяча восемьсот девяносто седьмом году заложила основу хозяйственного расцвета России на два самых блестящих ее десятилетия. С другой стороны, патриотически настроенные круги смыкаются с коммунистами, хотя именно коммунисты разорили страну, подорвали ее материальные и духовные основы, а своей национальной политикой и произвольным проведением границ между республиками заложили ту мину под территориальную целостность страны, которая взорвалась в декабре тысяча девятьсот девяносто первого года.

– Такого несуразного сплетения идей можно избежать, обратившись к национальной антикоммунистической и свободолюбивой традиции, – заметил Гордеев.

Аполитичный Денис предпочитал помалкивать. Он слу-

шал и мотал на ус. За всеми этими фразами вскоре должны были вырисоваться конкретные люди – сторонники и противники Юкшина и Глаголева.

– Да! – Златкин снова вытащил сигару и взмахнул ею как дирижерской палочкой. – Разумеется! Вот именно! И эта традиция, в обход советской власти, сохранилась за семьдесят пять лет в российском зарубежье и сегодня возвращается в Россию, служа своего рода мостом между ее прошлым и будущим.

Тут уж Денис не выдержал:

– Вы об эмиграции сейчас говорите? О всяких там НТСах и прочих «народных союзах»? Давайте ближе к нашим покойничкам, пожалуйста.

– Молодой человек, этот цинизм вам не к лицу!

– Это профессиональный цинизм, – защитил коллегу Голованов. – Но в самом деле, Борис Ефимович, к чему нам сейчас сдался этот опыт демократий минувшего века?

– А к тому, что идейный костяк нашего движения возник не в тиши кабинетов, это опыт российской революции и Гражданской войны, опыт западной демократии, в конце концов!

– Мы все помним, что вы были диссидентом, – примиряюще сказал Гордеев, – когда мы еще под стол пешком ходили.

Денис подумал: как же мы тогда это помним, если под стол пешком?

– Ах вот как, – приятно удивился Златкин. – Это многое

меняет. Тогда будем считать вступительную часть законченной, хотя, как вы убедитесь в дальнейшем, моя преамбула имеет непосредственное отношение к происшедшему.

Златкин рассказал, что погибшие Глаголев и Юкшин действительно активно сотрудничали с «Народным Союзом», старейшей русской эмигрантской партией, по сути вернувшейся из зарубежья в Россию. Партией – в широком смысле слова, «Народный Союз» не был политической силой, ставившей своей целью участие и победу в выборах. Ее лидер – профессор-биолог Алексей Николаевич Кадышев, умнейший и замечательный человек. Многие идеи и разработки этого Союза бывший главным идеологом Юкшин включил в программу созданной партии «Прогрессивная Россия». Но эта близость с недавними эмигрантами совсем не нравилась Клеонскому. Клеонский считал, что от них пахнет нафталином и никакой практической пользы тут нет и быть не может. Он предлагал войти в блок с компартией России. Не секрет, что Аркадий Клеонский часто встречался с лидером коммунистов Жуковым. По его замыслу, «Прогрессивная Россия» и компартия, объединившись в предвыборный блок, легко победят все остальные партии и блоки...

– Да стойте же!!! – завопил Денис. – Какой Клеонский?! При чем тут Клеонский?! Тот самый, что ли, Клеонский?! – Больше всего его бесило, что и Гордеев, и Голованов кивали на эти умные речи. Для него же пока что все это было сущей тарабарщиной, в которой вдруг проскакивали знакомые фа-

мили.

Оказалось, что да, тот самый Клеонский. Тот самый знаменитый (просто знаменитый и скандально знаменитый!) олигарх и нефтепромышленник Клеонский. Тот самый Аркадий Клеонский, который уже много месяцев находится в конфликте с властью и отсиживается в Лондоне. Оказывается, именно он стал пятым сопредседателем «Прогрессивной России», после того как в отставку ушел Златкин.

А у Клеонского-то дела, между прочим, сейчас не очень, подумал Денис. Он вспомнил, что прочитал сегодня в Интернете: «Арестован контрольный пакет акций компании „Ойл индастри“. „Ойл индастри“ – это компания Клеонского, одна из крупнейших российских нефтяных компаний, кстати сказать. А он сам уже несколько месяцев отсиживается в Англии. За это время Генпрокуратура успела выписать ордер на его арест, но англичане не торопятся Клеонского выдавать. Англичане – люди последовательных взглядов. Они редко кого к себе пускают насовсем, но уж если это произошло, то человек может себя чувствовать на туманном Альбионе в относительной безопасности. Надо будет с Турецким побеседовать насчет Клеонского, подумал Денис. А вслух сказал:

– Как же отреагировали Юкшин и Глаголев на альянс Клеонского с коммунистами?

Златкин немного смутился, но быстро нашел нужные слова:

– Дело в том, Денис Андреевич, что официально такой

альянс не существует, Клеонский не признает своего союза с Жуковым.

– Ах не признает... Так, может, его и нет, этого союза?

– Как это нет, как это нет! – загорячился Златкин. – Хорошо известно, что Клеонский неоднократно встречался с Жуковым, и именно после этих встреч лидер компартии делал неожиданно либеральные заявления. Клеонский явно вливает деньги в компартию! И конечно же Юкшин с Глаголевым были вне себя из-за этого и хотели исключить его из «Прогрессивной России», но просто не успели...

– Они вам сами об этом говорили? – тут же уточнил Денис.

Голованов видел, что его шеф уже основательно ухватил суть дела, и предпочитал не вмешиваться. В конце концов, он свою миссию охотничьей собаки выполнил, нашел стоящее дело, теперь очередь хозяина, его аналитических способностей и возможностей...

Оказалось, что нет, ни Юкшин, ни Глаголев не говорили об исключении Клеонского, зато много об этом говорили два других сопредседателя – Улов и Похлебкин. Но ведь они все были единомышленники, так сказать, товарищи по партии!

Пришло время расспросить поподробней и о них. Об Улове Денис, конечно, слышал, он вел аналитическую программу на Третьем канале под претенциозным названием «Завтра наступает сегодня». Улов прежде публичной политикой не занимался, только всех критиковал, и его многие воспри-

нимали как человека откровенно деструктивного, но вот в «Прогрессивной России» он оказался очень даже на своем месте, и его талант публициста расцвел новыми красками. То, что немалая часть студенчества примкнула к «Прогрессивной России», целиком его заслуга. А вот неожиданная популярность партии в армейских кругах – на совести Юкшина.

Денис хотел было уже удивиться этому, но Голованов, чутко следивший за его реакцией, незаметно мигнул: потом объясню. А Златкин продолжал рассказывать про своих соратников.

Похлебкин же был человек, судя по всему, гораздо менее публичный, классический кабинетный ученый, и каким образом он попал в эту компанию, оставалось немного странным. Самый настоящий, не фиктивный (как многие в Думе) доктор философских наук – и вдруг публичный политик?

– А что тут странного? Его Юкшин привел, – объяснил Златкин. – К Юкшину Похлебкин всегда относился с большим уважением. Они знакомы были с давних времен.

– Насколько с давних?

– Кажется, они учились вместе.

– Это легко проверить, – заметил Денис. – В МГУ, где преподает Похлебкин, наверняка все подробно известно о его биографии.

– Вот и займитесь этим, – с раздражением сказал Златкин.

– Не волнуйтесь, все сделаем.

– Кстати, Борис Ефимович, – вмешался Голованов, – а вы уже общались с Похлебкиным и Уловым после убийства Глаголева?

– Нет, не вышло. Я сразу же им позвонил, но обоих так и не смог найти.

– А как вы сами узнали об убийстве? – спросил Денис. – Ведь о нем же нигде не сообщали?

– Впервые за много лет чувствую себя не адвокатом, а подозреваемым, – пожаловался Златкин. – Вы меня все допрашиваете и допрашиваете. В общем... мне позвонили и сказали.

– Кто позвонил и сказал?

– Уж извините, не представились. Незнакомый женский голос сказал, что Глаголев убит, и посоветовал подумать о собственной безопасности.

– То есть это была угроза?

Златкин задумался, потом медленно ответил:

– Формально эту ситуацию можно расценить именно так. – В нем явно просыпался юрист. – Но я бы все же не стал. Судя по интонации, мне не угрожали, скорее, хотели предупредить о чем-то важном. Впрочем, вы сможете оценить это сами. Дело в том, что все ночные звонки у меня записываются. Профессиональная привычка. – Златкин вытащил из портфеля маленькую коробочку с сигарами, хлопнул себя по лбу, засунул ее назад и достал микрокассету.

– Высокий класс, – оценил Денис и встал. – Борис Ефимо-

вич, вас будут круглосуточно охранять наши люди. Расценки вы знаете. Где вы сейчас живете?

– У меня квартира на Кутузовском проспекте и еще есть дача в Глаголево.

– Не годится, – отмел Денис. – Переедете на нашу квартиру. У нас есть конспиративное жилье для таких случаев. Вполне комфортабельное, я вас уверяю. Там даже ножнички для сигар имеются.

– Но я не могу! – вскричал Златкин. – У меня молодая жена, поймите! У нас медовый месяц! Мы собирались на Сейшелы! Я в старости себе не прощу, что упустил такие великолепные дни!

Молодец, подумал Денис. Ему же лет семьдесят, не меньше. Что он называет старостью, сто пятьдесят?

Медовый месяц пришлось одобрить.

– Ну что ж, это неплохая мысль, – сказал Денис. – Можете взять с собой моего человека?

Голованов тут же принялся лихорадочно гадать, кого именно отправит Денис на эту халяву: его или Щербака?

Денис молча вынул из кармана телефон и кому-то позвонил.

– Филипп? Собирайся. Полетишь на Сейшельские острова, будешь сопровождать нашего клиента в свадебном путешествии.

Голованов немного помрачнел: значит, не судьба.

– Ты шутишь?! – не поверил Филя.

– Какие шутки в такую погоду, – с раздражением сказал Денис. – Значит, через час свяжешься с ним через Гордеева. По мобильному не звони. Куда отправляешься, никому не говори. Оттуда связь будешь держать только со мной. Вечером Голованов сообщит тебе мой новый номер.

– Денис, я через час не успею! Мне тачку из автосервиса забрать нужно, там кое-что сейчас подкручивают и подрихтовывают, кто же знал, что так получится?!

– Максимум – через полтора, – отрезал Денис.

Не так давно у «Глории» был клиент – владелец салона сотовой связи, который не смог расплатиться за оказанные ему сыщиками услуги. Тогда он предложил бартер – взять у него что-нибудь на свой вкус. Денис отказался, предпочтя подождать деньги, но позже Голованов, временно возглавлявший детективное агентство, воспользовался предоставленной услугой. Теперь разнообразными услугами в области мобильной связи сыщики «Глории» были обеспечены надолго, а главное, они имели возможность оперативно менять номера своих телефонов. Учитывая обстоятельства дела, когда на кону, возможно, стояла жизнь клиента, рисковать не стоило.

– Да, Филя, чуть не забыл, – спохватился Денис, – и еще я Голованову отдам для тебя сейшельские рупии, у меня их порядком осталось, еще с позапрошлого года валяются, в баксах, наверно, сотен семь, не меньше. В принципе ты там будешь на полном довольствии у клиента, но заначка не поме-

шает, чтобы лицо не терять...

...«...Около полуночи я расположился в кустах возле входа на городское кладбище.

Если кто-то из вас жаждет острых ощущений, то советую хоть раз в жизни повторить мой подвиг. После этого голливудские фильмы ужасов покажутся вам простой и доброй сказкой. Холодный осенний ветер и безжалостный дождь хлестали меня по лицу, и веселей от этого не становилось. Только жуть была совсем не американская, а наша, доморощенная. В Америке на кладбищах наверняка ночью горят фонари. Я ловил себя на мысли, что в такую погоду хозяин и собаку из дома не выгонит. Выходило, что в этой жизни я стоял гораздо ниже самой обыкновенной шавки. Всматриваясь до боли в глазах в кромешный мрак, я всем телом ощущал нелепость своего положения. Все нормальные люди спокойно храпели себе под теплыми одеялами, и только такой кретин, как я, мог истязать себя, сидя на промокшем куске картона под проливным дождем. В голову постоянно лезли дурацкие мысли. Черная «девятка» и «мерседес» стояли у входа. Из них никто не выходил. У меня складывалось впечатление, что эти ребята еще кого-то ждут. Время от времени я видел, как в машинах вспыхивали огоньки сигарет. Минуты тянулись как резина, наверное, так всегда бывает, когда ждешь чего-то страшного и неотвратимого. Когда разгулявшийся ветерок пронизывал меня своим неласковым дыханием до самых костей, мне оставалось лишь матом крыть же-

стокою судьбу, забросившую мое брненное тело в столь безлюдное место. Именно в такие минуты начинаешь задумываться о смысле жизни и о тех, кто находился сейчас совсем рядом под тяжестью могильных плит.

В данный момент на моей стороне был лишь один аргумент – в кармане куртки. Впрочем, приятная тяжесть пистолета несколько успокаивала. Все остальные обстоятельства, словно сговорившись, объявили мне непримиримую войну. За этот трудный денек я испытал столько, что некоторым хватит на долгие годы. Однако самое интересное ожидало меня впереди.

Ограда кладбища была совсем близко, и сквозь заросли кустов, словно живые, маячили кресты и памятники. Мое внимание привлек монумент, стоящий возле аллеи. Я хорошо знал этот памятник – одна еврейская семья отвалила за него немалые деньги. На нем была изображена скорбящая старушка и маленький ребенок. Это произведение погребального искусства ночью имело еще более скорбный и, я бы даже сказал, зловещий вид. Памятник был высечен из цельного куска белого мрамора, и сейчас в темноте отчетливо выделялись его контуры. И вдруг на какую-то долю секунды на фоне этой ужасной белизны мелькнула чья-то тень. Волосы зашевелились на моей голове. Я до рези в глазах всматривался в глубину аллеи, но появившаяся тень уже растаяла во мраке ночи. Галлюцинациями я не страдал, да и суеверным меня не назовешь, но тут ужас сковал мое тело. При-

встав с нагретого места, я решил избавиться от наваждения и размял затекшие ноги. Как раз в это время со стороны шоссе послышался шум приближающейся машины.

Представление начиналось. Время, потраченное на засаду, могло с лихвой окупиться. Я не испытал особой радости от встречи с себе подобными, но, признаюсь, сейчас мне стало спокойней. Потерянное душевное равновесие возвращалось. Машина проехала в нескольких метрах от меня. Ее я тоже не мог не узнать. Ее владелец также крепко держал город в руках. Он был руководителем кавказской группировки и уверенно делил сферы влияния со Шведовым. На могучих плечах Гасана Цурпаева лежала торговля автомашинами и наркотиками.

Присутствие столь уважаемых людей обещало много интересного. Я уже почти чувствовал запах больших денег.

Всего присутствующих было восемь человек. Они вышли из машин. В руках у двоих были автоматы. Двое из черной «девятки» держали за руки обессиленного Штрассера. Он что-то пытался говорить, но голос его, дрожащий и всхлипывающий, сливался с шумом ветра и улетал, увы, не в моем направлении. Немного посоветовавшись, мафиози двинулись к центральной аллее. Один из них держал в руках дипломат. Через мгновение вся веселая компания скрылась за массивными воротами кладбища. Никто из них не подозревал, что где-то в кустах на куске старого картона за ними наблюдал простой отечественный Джеймс Бонд. От этого на

душе становилось как-то теплей. Единственное, о чем я пожалел в этот прекрасный вечер, что не приехал сюда на танке. С моим игрушечным револьвером здесь нечего ловить. В машинах никого не осталось. Можно было действовать. Проползая мимо шикарных иномарок, я не без горечи пришел к выводу, что мафия бессмертна. Пусть кто-нибудь попробует поспорить.

В какой-то момент в голове даже промелькнула взбалмошная мысль: а что, если взять да и угнать одну из этих тачек? Ха-ха! В самом деле, ведь любую из них в городе отлично знают, ни один пост ГАИ не остановит.

Однако на кладбище я оказался совсем не ради шуток. Не без труда преодолев ограду, я очутился среди могильных крестов. Это несколько сковало мою решительность, кроме того, двигаться без фонаря в этом ужасном лабиринте было небезопасно. И вот когда я осилил добрую половину пути и уже можно было различить обрывки фраз, произошло непредвиденное событие.

Тишину смиренного кладбища разрезал сухой треск автоматной очереди. Потревоженные вороны на деревьях встрепенулись ото сна, оглушая округу хриплым карканьем. Впереди замигали вспышки и послышались нечленораздельные вопли. Несколько пуль просвистело в непосредственной близости от меня. Все было так неожиданно, что я едва не упал лицом в грязь. Ужас и смятение завладели мной. Ноги дрожали и стали ватными. Под ложечкой засосало. Натрениро-

ванная когда-то рука рефлекторно потянулась к пистолету. То, что происходило впереди, видеть я не мог, мешали деревья. Однако жизненный опыт подсказывал, что сегодня я удосужился влипнуть в очень скверную и грязную историю. Это уже не имело ничего общего с простым баловством хулиганствующих мальчишек. Совсем рядом шла настоящая война, где пролитая кровь была совсем не томатным соком. К горлу подкатился горький ком. Я вспомнил Афган, и в груди снова защемило. Мне казалось, что все муки и страдания, перенесенные когда-то давно, стали забываться, изглаживаться из памяти. Но сейчас новая волна ужаса охватила меня. Несомненно, стрелял один человек. Стрелял метко и уверенно. Огонь на поражение. Чувствовалась крепкая, умелая рука. На слух я определил, что нападавший использовал десантный АКМС. Крики, доносившиеся с того ужасного места, говорили о многом. Все жертвы наверняка не ожидали столь внезапного нападения. Для меня оставалось загадкой: как убийца мог так легко ориентироваться в темноте? Этот кошмар длился считанные секунды, показавшиеся мне вечностью. Внезапная пауза подсказала мне, что нападавший перезаряжает автомат. Я отчетливо слышал ругательства и стоны умирающих. Однако в этом зловещем лабиринте крики о помощи натыкались на холодное равнодушие убийцы. Только бродяга-ветер измывался над последними желтыми листьями в кронах деревьев да осенний дождь моросил, поражая своим безразличием. Я вострепнулся, услы-

шав новые одиночные выстрелы. Не вызывало сомнения, что стрелявший хладнокровно добивает свои жертвы. От этого ужаса казалось, что даже мертвецы перевернулись в своих гробах. Очень часто в Афгане я сталкивался лицом к лицу со смертью, но этот кошмар надолго остался в моей памяти. Да наверно, и навсегда...

Скоро все было кончено. Сквозь туманную мглу я увидел слабый свет карманного фонаря. Признаюсь, даже в такой незавидной ситуации меня сжигало любопытство. Мне не терпелось узнать, что же там случилось, но внутренний голос предлагал не спешить. Я решил довериться его совету. Мой длинный нос мог привести к печальным последствиям. Тот, кто без зазрения совести уложил восьмерых, не остановится ни перед чем. Одним больше, одним меньше – не играло роли. А я все же не настолько дурак, чтобы лезть на рожон даже с пистолетом. Расстояние между нами было метров тридцать, не больше, и это позволяло кое-что увидеть. В мелькающем свете фонаря я попытался рассмотреть убийцу. Ростом он был приблизительно метр восемьдесят. Лицо скрывала черная вязаная маска. Этот парень все предусмотрел. На нем был защитный армейский камуфляж, за спиной болтался ранец. С оружием я не ошибся. АКМС он держал в правой руке, фонарь в левой. Убийца что-то искал. Я ничем не выдал своего присутствия, но сердце ушло в пятки, когда, выключив фонарь, парень внезапно замер. В этом зловещем безмолвии мы были один на один. Представляете, что я ис-

пытал, когда убийца внезапно кинулся в мою сторону. Я выстрелил наугад, он отскочил в сторону, спрятавшись за памятник. Раздалась короткая очередь. Пули просвистели совсем рядом. Меня спас огромный металлический крест. Видимо, Бог все же был на моей стороне. Внезапная догадка осенила мою грешную голову. Убийца хорошо видел в темноте благодаря портативному прибору ночного видения. Это было легко проверить. Став удобной мишенью, я бросился к большому гранитному монументу. Этот мой маневр не позволил ему выстрелить прицельно. Но следует признать, что я чудом остался жив. Переведя дыхание, я трезво оценил обстановку. Сердце бешено колотилось в груди. Шансы выжить были невелики. Тем не менее я решил сражаться до последнего. Тот, кто охотился за мной, был хорошим мастером своего дела. Оставалось ждать и надеяться на случай. За бесценно отдавать свою жизнь не хотелось. Убийца решил атаковать первым. Увидев мелькнувшую тень, я снова выстрелил. Кусок гранита служил надежной защитой. На этот раз я был уверен, что не промахнулся. Однако мой меткий выстрел вовсе не остановил нападающего. Только сейчас до меня дошло, что на нем был бронежилет. Пули, выпущенные из дамского пистолета, не могли причинить убийце вреда. Короткая очередь заставила меня пригнуться. Куски свинца с безжалостным визгом крошили гранит. Моя жизнь в столь плачевной ситуации не стоила и ломаного гроша. Помощи в безлюдном месте ждать не приходилось. А сдаваться на ми-

лость победителя было равносильно верной гибели. Убийца, словно читая ход моих мыслей, внезапно притих, выжидая удобного случая. Этот человек был уверен в своей победе, и ничто не могло его остановить.

– Эй, шурави, ну что, не сладко?

Его хриплый голос заставил меня встрепенуться. Слова, наполненные ужасным смыслом, таяли во мраке ночи. Тот, кто хотел меня убить, знал, что я служил в Афгане. И это было неожиданным откровением.

– Зря ты сунул нос в такое дерьмо. Против тебя я ничего не имею, но твое любопытство может стоить тебе жизни. Для тебя сегодня не самый лучший день.

– Кажется, ты меня еще не взял, – возразил я. – А фортуна – штука переменчивая.

Он засмеялся, и от этого ужасного смеха в моих жилах стыла кровь.

– Да, стареют ветераны. Может быть, где-то под Кандагаром мы могли бы стать друзьями. Но сейчас наши дороги расходятся. И дернул черт тебя совать нос в такое грязное дело. Я, честно говоря, не ожидал от такого дуралея, как ты, подобной прыти.

– Спасибо за удачный комплимент. Надеюсь, это не последняя встреча.

– Ну что ж. Ты прав. Надежда всегда умирает последней. В эту минуту наш милый диалог прервал вой милицеской сирены. Это несколько повышало мои ставки.

– А ты, шурави, действительно родился в рубашке. Ну ладно, на этот раз разойдемся с миром. До скорой встречи, ветеран.

Парень вскочил и бросился к месту преступления. Я видел, как на ходу он подхватил увесистый дипломат и быстро стал удаляться по аллее в сторону запасного выхода. Я не мог поверить в свое спасение. Терять время было непрости-тельной глупостью.

Чтобы успокоить свой беспокойный ум, мне пришлось направиться к месту происшествия. Картина, открывшаяся мне, до сих пор стоит перед глазами. Среди могильных плит, на сырой от дождя земле лежало в нелепых позах восемь трупов. Этих парней трудно было застать врасплох. Однако убийца сработал чисто. У семерых из этой компании имелось оружие, но никто не смог им воспользоваться. Я достал из кармана газовую зажигалку и, не теряя времени, осмотрел тела. Среди убитых были два главаря местной мафии – Гасан Цурпаев и Сергей Шведов по кличке Жук. Рядом с ними лежала с простреленной башкой еще одна солидная птица – Максим Робертович Штрассер. Я невольно представил лицо Виктории, когда она узнает о случившемся, но интуиция подсказала, что эта женщина не будет страдать. Возможно, такое стечение обстоятельств ее вполне устроит.

Сказать, что я оказался в тупике, значит, не сказать ничего. После такой ужасной бойни на кладбище весь преступный мир мог стать на грань настоящей войны. Обратив вни-

мание на тела убитых, я заметил в руках Цурпаева пистолет, как два капли воды похожий на мой. Никогда не подумал бы, чтобы этот герой мог носить с собой столь жалкую дамскую пукалку... Метрах в десяти я обнаружил еще один труп. Это был плотный пожилой мужчина. Он лежал на боку, уткнувшись лицом в грязь. Его руки сжимали еще горячий АКМС. В этом я убедился, коснувшись автомата тыльной стороной руки. Осветив зажигалкой лицо убитого, я чуть было не упал в обморок. На земле лежало тело моего недавнего спасителя и благодетеля полковника Колотова. Из маленькой дырки у виска тонкой струйкой сочилась кровь, смешиваясь с жидкой грязью.

Теперь мне многое становилось ясным. Преступник действовал умело. Выходило, что четыре отца города, встретившись в столь безлюдном месте, решили свести счеты. Разборка закончилась очень плачевно для всех присутствующих. Кроме того, если в деле принимал участие сам Колотов, то милиция вряд ли будет выносить сор из избы. Все ограничится сплетнями и досужими домыслами. Впрочем, выводы было делать рано. Мое положение оставалось довольно сложным. Со стороны центрального входа уже наметилось некоторое оживление. Самое умное в такой ситуации было унести ноги. Я предоставил милиции заниматься своим делом, а сам, что было сил, бросился в противоположную сторону. Быстро перемахнув через кладбищенский забор, я просто чудом ускользнул незамеченным. Моя машина стояла в лесо-

посадке. По размытой грунтовой дороге мне пришлось дать хороший крюк, чтобы не столкнуться нос к носу с милицией. Я успел вырваться в город еще до того, как они приказали оцепить все дороги. Меня бил озноб. Голова отказывалась думать, слишком много впечатлений за сегодняшние сутки только усилили и без того накопившуюся усталость. Чтобы прийти в себя, надо было срочно отдохнуть. Припарковав машину в каком-то дворе, я забылся тревожным сном...»

Глава четвертая

Когда ехали из юрконсультации, Голованов рассказал Денису про задержание двух подозреваемых в убийстве Глаголева. Это были молодые люди двадцати восьми и тридцати трех лет соответственно. Взяли их по приметам, указанным водителем убитого – Андреем Мазуриным. Приметы были такие: высокий, худощавый, коротко стриженный молодой человек, при ходьбе ставящий ноги очень широко. Был одет в куртку защитного цвета, джинсы и ботинки «Гриндерс».

Обоих допросили с пристрастием. Но толку никакого не было. Один сам жил в соседнем доме, у второго в одном подъезде с Глаголевым жила подружка. У обоих к утру нашлось алиби. Мазурин отличить их на опознании среди шести других молодых людей, одетых подобным образом, не смог. Следователь Васильев с грустью констатировал, что их можно отпустить. Голованов непосредственно при опознании не присутствовал, но парней видел.

– И какое впечатление? – поинтересовался Денис.

– Да никакое.

– Ты хотя бы их данные на всякий случай зафиксировал?

– А как же.

Денис почесал подбородок:

– Сева, нужно будет пообщаться с этим Мазуриным тоже...

Голованов кивнул.

– Да! – вспомнил Денис. – Так объясни же наконец, почему «Прогрессивная Россия» популярна в военной среде? Это довольно странно, чтобы либералы пользовались уважением в армии. И при чем тут Юкшин?

– Ты его книги когда-нибудь читал? – вопросом на вопрос ответил Голованов, на что Денис тактично возразил:

– Сева, это невежливо.

– Но в них-то все дело. Юкшин ведь детективы пишет. Вернее, писал. Такие, очень заковыристые. На афганскую и чеченскую тему. Эти его книжки расходятся как горячие пирожки.

– Ах вот оно что...

Голованов и сам прошел Афганскую «кампанию», как он несколько насмешливо называл свою службу в восьмидесятые. Причем не только он. В Афганистане побывали и Щербак, и Демидыч с Филей. Так что в «Глории» к теме выполнения «интернационального долга» относились серьезно.

– Так ты, Сева, значит, пару вещичек этого Юкшина читал?

– Что значит пару? – обиделся Голованов. – Да я все читал!

– Фанат, что ли?

– Называй как хочешь, но ни одной книжки пока не пропустил, всего шесть штук пока было. Оч-чень душевно! И с большим знанием дела и места.

– Это в том смысле, – уточнил Денис, выезжая на Кузнецкий Мост, – что он сам бывший «афганец»?

– Этого я не знаю. Но вполне может быть. Или у него были толковые консультанты. Выдумать такие подробности и нюансы, которыми он оперирует, просто невозможно.

– Кажется, любопытная фигура этот Юкшин...

В центре сыщики разделились. Денис заехал на Лубянку и сдал кассету с записью голоса женщины, звонившей Златкину, в фонографическую лабораторию ФСБ. Там имелась уникальная коллекция голосов всевозможных убийц, террористов и прочей нечисти. А начальник антитеррористического отдела ФСБ Спицын, несмотря на значительную разницу в возрасте, был с некоторых пор хороший приятель Грязнова-младшего,² и в такой малости, как фонографическая экспертиза, он не отказал.

После этого Денис созвонился с Турецким и попросил об аудиенции. Александр Борисович в последнее время достиг заоблачных высот, из «простого» старшего следователя Управления по расследованию особо важных дел он стал личным помощником генерального прокурора. Но для старых друзей был все еще доступен, просто нужно было знать, по какому из трех мобильных телефонов ему звонить. И в какое время.

В половине третьего аудиенция была обещана. Проще говоря, старые приятели сговорились пообедать в любимом ре-

---

² См. роман Ф. Незнанского «Заснувший детектив» (М., 2003).

сторане «Пушкинь» (именно с такой вот буквой на конце). Кормили там русской кухней, но очень изощренно. «Пушкинь» располагался на Тверском бульваре, и это всем было удобно и недалеко. На первом этаже в «Пушкине» имелось кафе, на втором и на антресолях – ресторан. Причем в ресторан можно было подняться не только на своих двоих. Работал лифт с кружевным лифтом.

Денис посмотрел на часы и решил в свободное время что-нибудь предпринять. Ну скажем, позвонить Алле Снегур.

Алла Снегур была оперативником что надо. Как и у всех остальных работников «Глории» (кроме самого Дениса и компьютерщика Макса), у нее имелся приличный опыт работы в МУРе, но этот же опыт таил в себе и негативный элемент. У Аллы был нескончаемый роман с одним высокопоставленным муровским работником (естественно, женатым), и именно сейчас он вошел в решающую фазу. Ждать от нее можно было чего угодно. Двадцатидевятилетняя брюнетка с серыми глазами, она была женщиной обворожительной, но аритмичной.

– Ты свободна?

– Конечно, Денис, и жду распоряжений.

– Отлично! Аллочка, нужно отработать все связи утонувшего писателя Юкшина, и желательно побыстрее. Сделаешь?

– Конечно, шеф, к вечеру жди результат.

Денис положил трубку, сцепил руки за головой и блажен-

но потянулся. Хорошо иметь таких бесценных сотрудников.

Через четверть часа Алла перезвонила:

– Денис, ты знаешь, я... мне очень неловко... оказывается, сегодняшней день выпадает. Но завтра я за него возьмусь, обещаю.

Ох уж мне эти личные обстоятельства, подумал Денис, но вслух, разумеется, ничего такого не сказал.

– Ладно, созвонимся, только завтра будет уже другое задание.

– Как скажешь, – кротко согласилась Алла.

Денис глянул на часы: около двух.

...Пока Денис обедал, Голованов должен был отыскать оставшихся сопредседателей «Прогрессивной России» – Улова и Похлебкина. Причем сделать это желательно было до следователя, занимавшегося этим делом. А то, что Васильев Улова с Похлебкиным до сих пор не допрашивал, Голованов знал наверняка. Впрочем, поставив своему сотруднику такую задачу, в благополучное ее разрешение Денис сам не особенно-то и верил. Ну ладно, что уж теперь, как получится, так получится. Голованов, в свою очередь, перепоручил Улова заботам Щербака, а себе взял Похлебкина...

Турецкий с аппетитом кушал (этого у него было не отнять при любых обстоятельствах), а Денис только пил минеральную воду. Что не мешало Турецкому говорить, а Денису – внимательно слушать.

Турецкий рассказал, что не знаком лично с олигархом

Клеонским и что всячески старался уклониться от участия в следствии по возбужденному против него делу. Впрочем, таких дел было не одно, а на памяти Александра Борисовича как минимум три: по обвинению в неуплате налогов – раз, по обвинению в неуплате налогов – два (более свежее) и по обвинению в махинациях в какой-то авиакомпании, крупным акционером которой Клеонский некогда был.

– Это все политика, как вы считаете, Александр Борисович?

– Денис, хочешь честный ответ?

– Разумеется.

– Не знаю. Понятия не имею. И не желаю иметь. Мне, знаешь ли, скажу тебе по секрету, стоило некоторых трудов организовать себе командировку, как раз когда последняя кампания против Клеонского началась, так что сейчас все это происходит без моего скромного участия. И слава богу! Он там у себя в Лондоне что-то не то сказал про Президента, а может, и не сказал, может, это сочувствующие ему СМИ потом такой вид сделали, задним числом цитату выдали, чтобы представить ситуацию как политическую травлю невинного бизнесмена. С этими миллиардерами никогда ничего не разберешь. И чего им не живется спокойно, спрашивается? – Турецкий вытер губы и на секунду задумался. Денис явственно прочитал промелькнувшую в его глазах мысль: не взять ли десерт? Судя по тому, что помощник генерального прокурора вздохнул, десерту на столе появиться было не

суждено. – Короче, извини, Денис, тут я тебе ничем не помогу, кроме самых общих сведений. И некоторых собственных мыслей. Видишь ли, Клеонский – не совсем тот человек, который всегда отстаивал либеральные ценности. Он стал либералом в изгнании.

– Не понял? – удивился Денис.

– Объясняю. Олигарх в изгнании – это существо, прямо противоположное, допустим, революционеру. До революции революционер либерален, а потом он бац – и учреждает тайную полицию. С нашими миллиардерами все ровно наоборот. Здесь они зверствуют, а за бугром вдруг оказываются борцами за правое дело и чуть ли не политическими беженцами.

– Клеонский же не первый день в политике, – возразил Денис. – Он сопредседателем «Прогрессивной России» стал не вчера.

– Ну и что? Для Клеонского власть – это высокодоходный финансовый инструмент, и в значительной степени благодаря таким, как он, мы сейчас имеем то, что имеем.

– Я слышал, что арестован контрольный пакет акций его компании...

– Слышал он, – ухмыльнулся Турецкий. – Тоже мне большой секрет. Правильно слышал, конечно. Теперь Клеонский из своего туманного далека кричит, что раз ему какой-то там лакомый кусок оторвать не удалось (или, читай, удалось, но его скоро отнимут), то теперь он, этот самый кусок, должен

принадлежать всему народу, а не каким-то отдельным мутным «прихватизаторам». Нехило?

– Нехило-то нехило, – сказал Денис. – Но действия государства в таком случае со стороны выглядят не сильно привлекательно.

– Это как же?

– А вот так! Дескать, зачем нам что-то создавать, когда гораздо легче оградить все забором, а в нем оставить дверку, ключи от которой отдать главному вахтеру. А уж он разберется, сколько еще дверок нарезать и вахтеров поставить.

– Ну знаешь, – разозлился Турецкий, даже отложив нож в сторону и пользуясь одной вилкой, – тоже мне младореформатор нашелся! Что ты вообще в экономике понимаешь?!

– И вообще, – невозмутимо продолжал Денис. – В России именно такой способ бюрократического обогащения сейчас процветает. Он самый популярный, самый быстрый и самый вредный – вот мое мнение. И если Генпрокуратура себя так ведет в отношении самых богатых людей страны, значит, экономическая стратегия государства – именно такая, как я сказал. А это грустно.

Воцарилась пауза на несколько минут, в течение которой все шло как в самом начале: Денис пил воду, Турецкий жевал, правда, уже без особого аппетита. Наконец он проглотил последний кусок и решился на перемирие.

– Денис, – мягко сказал Турецкий. – Я не хочу с тобой ссориться. Тем более по поводу каких-то абстрактных оли-

гархов, с которыми мы с тобой даже никогда не будем знакомы. Пошли они куда подальше! Зачем ты хотел меня видеть? Есть что-нибудь еще, что тебя интересует, кроме Клеонского?

– Александр Борисович, вы знаете такого следователя Мосгорпрокуратуры – Васильева Антона Викторовича?

Турецкий немного поморщился. Покусал кусок салфетки, как бы не решаясь говорить, потом махнул рукой:

– Есть такой профессиональный анекдот. У прокурора города день рождения. Сотрудники мучаются над лестными эпитетами для текста поздравительной открытки. И тут в комнату заходит следователь. Все сразу к нему: «Ты можешь хорошо сказать о нашем начальнике?» Следак, не задумываясь, отвечает: «Тупой самовлюбленный пидор!» Общий бурный восторг: «Действительно, хорошо сказал! Так и запишем: обладает редким умом, знает себе цену и, главное, равнодушно относится ко всем подчиненным». Вот это о Васильеве. Он когда-то у нас на Большой Дмитровке стажировался, надеялся задержаться, да не вышло. Теперь, говорят, снова вверх карабкается. Оч-чень энергично.

– Не понял юмора, – сказал Денис. – Васильев же следователь, а не прокурор.

– Будет он и прокурором, не сомневайся, – успокоил Турецкий. – Если ты с ним как-то пересекаешься, жди неприятностей. К нему, как говорится, на бодливой козе не подъедешь. Себе на уме парниша. С начальством мил и внимате-

лен, а с прочей публикой задирист, груб и хамовит.

– Учту, – буркнул Денис.

– Подожди, – спохватился Турецкий. – Это не то самое, о чем я думаю?

– А о чем вы думаете?

– Ну ты же понимаешь...

– Пойму, если намекнете.

– Вот черт. Строго между нами, Денис. Убийство депутата?

Грязнов-младший молча кивнул.

– Денис, мой тебе совет: лучше держись от него подальше.

– Да я, собственно, по другому профилю, – честно сказал Денис. – Я человека защищаю, который боится, что станет следующим.

Турецкий помрачнел:

– Фамилию назовешь?

Денис подумал и покачал головой:

– Без обид, Сан Борисыч, так всем спокойней. Давайте вообще станем считать, что этого разговора не было.

– Как знаешь, – вздохнул Турецкий, – наверно, тебе видней. Если нужна будет помощь... Ну что, поехали, что ли? – Александр Борисович встал.

– Нет уж, – сказал частный детектив, – вот теперь я, пожалуй, пообедаю. Что-то аппетит от плохого настроения проснулся.

Турецкий развел руками, как бы извиняясь, и тут же в

двух карманах пиджака у него зазвонило по телефону. Турецкий посмотрел сначала на дисплей одного, потом – другого и разговаривать вообще ни с кем не стал.

Как только Турецкий ушел, с Денисом связался Филипп Агеев. Он уже получил все инструкции насчет адвоката Златкина и сейчас, по-видимому, собирался в дорогу. Однако голос у Фили, большого любителя путешествий вообще и халявы в частности, был весьма расстроенным. Проще говоря, Филя чуть не плакал. Денис не поверил своим ушам: что могло так довести здорового сорокалетнего мужика, прошедшего огонь, воду и медные трубы?!

– Дэ-ээн! – простонал в трубку Филя. – Они забрали ее!!!

– Кого забрали? – испугался Денис. – Кто забрал? Говори яснее!

– Тачку мою забрали...

Оказалось, Филину машину, припаркованную в неполюженном месте, забрал... гибэдэдэшный эвакуатор. Макс таки напророчил. Денис посоветовал Филе выпутываться своими силами и, закончив разговор, расхохотался от всей души. В этом была большая ирония судьбы: еще бы, ведь влип не кто-нибудь, а Филя Агеев – главный автоспециалист «Глории», еще в МУРе занимавшийся автомобильными угонами, кражами и махинациями!

Когда Денис уже ехал домой, ему позвонил Спицын и сообщил, что женский голос с кассеты, которую передал Денис, в базе данных ФСБ, увы, не значится...

Чуть позже один за другим отметились Голованов и Щербак – рассказали о своих поисках оставшихся сопредседателей «Прогрессивной России». След одного из них был найден, второй исчез. Кроме того, Голованов пообщался с водителем убитого Глаголева – Андреем Мазуриным. Мазурин работал в Думе последние два года, а лично у Глаголева не так уже и давно – всего лишь четыре месяца. Ничего интересного он рассказать не смог: Глаголев в последние дни перед своей гибелью вел себя как обычно, никаких признаков нервозности не проявлял. Кстати, по словам того же Мазурина, в самоубийство Юкшина Глаголев не верил.

К вечеру информацию об убийстве Глаголева все же передали в средствах массовой информации. Чтобы предотвратить возможную истерию СМИ («Караул! Очередное заказное убийство! Очередной висяк!»), по различным каналам телевидения выступали руководители правоохранительных органов: министр внутренних дел, заместитель директора ФСБ и начальник управления общественных связей Генеральной прокуратуры страны. Все они заверили население, что это громкое заказное убийство будет вот-вот раскрыто.

Денис криво улыбнулся, выключил телевизор и лег спать.

Проснулся Денис от звонка и в который раз уже выругал себя за привычку оставлять на ночь телефон включенным, ведь зачем-то же существуют на свете автоответчики... А что, неплохая идея. Он нашарил трубку и сказал монотонным голосом:

– Вы позвонили Денису Грязнову. К сожалению, я сейчас не могу подойти к телефону, так что оставьте свое сообщение после сигнала. – Пока он говорил первые две фразы, в просыпающихся мозгах созрела еще одна: – Все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

– Ладно, остряк-самоучка, – проскрипел Турецкий. – Жаль, что я тебя не застал. Или ты просто на массу давишь? В общем, не могу не признать, что ты породил во мне чувство вины. Хочу помочь, чем могу. Не то чтобы ты был прав, нет, я так не считаю, но... загляни в свой электронный почтовый ящик, я тебе...

Денис схватил трубку:

– Сан Борисыч! Сан Борисыч! Я дома!

– Вот как, – удивился Турецкий, – хорошо живется частным сыщикам. – Я еще на работе торчу, а он уже дома.

– Так ведь времени полчетвертого утра, – защитился Денис.

– Вот я тебя и подловил. Значит, сидел и слушал, как я распинаясь перед твоим автоответчиком, да?

– Да это не... неважно, Александр Борисович, я весь внимание.

– А я уже все сказал, – буркнул Турецкий и закончил разговор.

Денис поплелся к компьютеру. Подключился к Интернету. Открыл свой почтовый ящик. Действительно, почта имелаась. Денис налил себе холодного зеленого чая и приступил

к чтению.

«...Генпрокуратура обыскивает и допрашивает

В понедельник президент компании «Ойл индастри» побывал на допросе в Генпрокуратуре. Одновременно следователи пришли в офис на Дубнинской улице, где находится архив компании «Ойл индастри». Обыск проводился в присутствии адвокатов. Следователей сопровождали несколько людей в масках и с оружием. Как заявили адвокаты, постановления о проведении обыска им никто не предъявлял. В Генпрокуратуре эту информацию сразу же опровергли. Сообщается, что обстановка в здании, где идут следственные действия, спокойная.

Вечером этого же дня известный тележурналист Аркадий Улов смог взять короткое интервью у господина Клеонского, которое по не зависящим от него причинам в эфир выпущено не было. Вот стенограмма этого разговора без каких бы то ни было комментариев. Можно лишь сказать, что, судя по его ответам, господин Клеонский не намерен признавать обвинения силовиков.

– Аркадий Олегович, я знаю, что вы отказываетесь говорить о том, какие конкретно вопросы вам задавали и что вообще происходило во время самого допроса. Но вы можете одним словом определить, с каким ощущением вы туда шли? Что это было: страх, обида, злость или... глубокое

раскаяние?

– Вы понимаете, что я, естественно, человек достаточно информированный и предполагал, зачем меня туда приглашают. Как я уже говорил, я считаю, что все, что сейчас происходит, происходит, по моему мнению, за пределами правового поля. То есть по форме все законно, а по сути, конечно, на мой взгляд, совершенно нет. Поэтому я был готов к тому, что будет вежливая попытка представить законными, в общем-то, незаконные действия.

– Но с каким же настроением вы туда все-таки шли?

– Хм... Не хочется врать... Я родился, как и все мы, в советской стране. И, в общем-то, семидесятые годы ни для кого из нас не новость. Если в данном случае в лице правоохранительных органов мы видим такую тень попытки создать ощущение семидесятых, то мое поколение к этому, в общем, готово.

– Понятно. Вы шли туда, будучи готовым. И как давно вы к этому подготовились? Ведь для многих события вокруг «Ойл индастри» стали неожиданностью. В то же время я вспоминаю, что последние два-три месяца в различных, преимущественно интернет-изданиях, были тревожные прогнозы. Мол, Клеонский нарывается – слишком активен экономически, слишком много разных политических заявлений, и все это плохо для него кончится. Не говоря уж о вашей явной симпатии к партии «Прогрессивная Россия». Вас как-то предупреждали? Говорят, что у таких крупных компа-

ний, как ваша, и во власти, и в правоохранительных структурах есть свои люди, которые хотя бы предупреждают. Были какие-то «звоночки», предупреждения: не делай этого, а не то, мол?..

– Без комментариев.

– Давайте все-таки определяться, кто автор этого сценария, кого именно вы так разозлили?

– Увольте! Я не хочу здесь делать какие-то предположения, тем более обвинять конкретных людей. Я все-таки, ха-ха, не работник прокуратуры. Как я уже говорил прежде, думаю, что мы имеем дело с начавшейся борьбой за власть между различными крыльями в ближайшем окружении Президента. Это только начало борьбы за власть, которая должна будет завершиться после президентских выборов в марте. На сегодняшний день совершенно очевидно, по крайней мере для меня, хотя я и не профессиональный политолог, что действующий Президент победит и получит второй срок. Но при этом большой вопрос, кто будет составлять второй эшелон команды.

– Понимаю вашу необходимость отвечать на вопросы осторожно и взвешенно. Но, говоря о каких-то группировках вокруг Президента, вы же, наверное, понимаете, что такие дела сейчас без санкции Президента, во всяком случае, без его какого-то кивка, согласия не начинаются. Может быть, вам просто хочется верить в то, что он здесь ни при чем?

– Стилистика работы нашего Президента, на мой

взгляд, заключается в том, что он старается не вмешиваться в происходящие процессы. Более того, при всем его непростом характере, Владимир Владимирович является человеком достаточно откровенным в таких вопросах. И если у него есть претензии, он их прямо высказывает. А мы уж стараемся, чтобы эти претензии не разрастались.

– Как вам кажется, в этой ситуации, когда у «Ойл индастри» проблемы, у Клеонского проблемы, большинство в России сейчас сочувствует или думает: так и надо этим олигархам?

– Я ничуть не сомневаюсь, что большинство думает: «А так и надо этим олигархам». К сожалению, это во многом менталитет нашего народа. Единственное, на что я надеюсь, что у людей есть определенный здравый смысл в голове. И они понимают, что если неправовая атака на олигарха завершается успехом, то уж не олигархи-то и вовсе не застрахованы.

– Вы исключаете или хотите исключить политическую подоплеку у этих событий. Многие говорят, что причиной стало финансирование вами «Прогрессивной России». Говорят, что причиной раздражения на «Ойл индастри» стали заявления о вашей грядущей политической активности вообще.

– Я не буду комментировать эти досужие размышления на тему, кто кого финансировал и так далее. В конце концов, на что я трачу свои деньги – это мое личное де-

ло. Но должен вам откровенно сказать, что, как предприниматель, я, конечно, не стал бы ссориться с Президентом страны или, так сказать, с его администрацией, если бы мне было сказано, что та или иная форма не чисто коммерческой деятельности является неприемлемой для политического руководства. Понимаете, каждый должен играть на своем поле: экономические субъекты – на своем, политические – на своем. Если человек хочет перейти с одного поля на другое, то он должен сначала перейти, а потом уже занимать позиции. И не надо преувеличивать реальное влияние нашей политической активности. Все-таки, являясь достаточно весомой экономической структурой, мы, естественно, не являемся столь существенной силой, как многие пытаются показать. Потому что в России экономические структуры, в общем-то, никогда не обладали даже такой политической властью, политическим влиянием, которыми аналогичные структуры обладают, например, в США.

– Может быть, боялись, как это все будет развиваться дальше – сегодня обладают, а завтра нет?

– Думаю, что, если бы у людей из Генпрокуратуры было мышление, которое позволяло бы им задумываться хотя бы на пять лет вперед, они не стали бы делать то, что они делают.

– Вы предполагаете, что ваших противников во власти больше напугала экономическая мощь растущей корпорации?

– Не совсем. Я думаю, что не экономическая мощь, как таковая, а как один из факторов завтрашней или начинающейся сегодня борьбы за завтрашнюю власть. Мы в этой борьбе не один из субъектов, а один из объектов. Скажем так: стул, стол, компания «Ойл индастри»...»

Денис подумал, что сроку этой статье несколько месяцев: ведь Клеонский еще был тогда в стране – это во-первых, и еще не стал сопредседателем партии «Прогрессивная Россия» – это во-вторых... Но зачем Турецкий ее прислал? Кое-что интересное тут, безусловно, имелось, однако Денис и сам мог все это найти, просто приказав Максу сделать мониторинг всех событий вокруг персоны Клеонского за последние полгода. Так зачем же?

Денис посмотрел на часы. Уже четыре. Не то слишком поздно, не то слишком рано. Или не слишком, если Турецкий, по его словам, торчит на работе?

Однако телефон Генпрокуратуры не отвечал. Денис позвонил на мобильный, но и тут его ждала неудача. Денис почесал затылок. И это движение родило весьма простую мысль: Турецкий на работе, но к телефону не подходит, точнее, просто его отключил. Что это может значить? Только одно: в гости к нему пожаловал лучший друг – Грязнов-старший. Денис позвонил на мобильный Вячеславу Ивановичу, «доступ к телу» которого ему разрешался вне зависимости от времени суток, погоды и состояния души. Грязнов-стар-

ший на звонок откликнулся сразу.

– Дядя, Слава, как живешь? – поинтересовался племянник.

– Твоими молитвами, – не совсем твердым голосом ответил начальник МУРа.

– Стараемся, дядя Слава, – скромно заметил Денис. – Позови Турецкого, пожалуйста. – Вот так просто, как само собой разумеющееся: дескать, знаем мы, где Александр Борисович, и ни секунды в этом не сомневаемся.

– Ща, – сказал Грязнов-старший, и Денис, уловив лишь ему одному известный нюанс голоса, понял, что это он, Грязнов-старший, надавил на Турецкого, уговорил-таки хоть чем-нибудь помочь частному сыщику.

– Ну? – небрежно сказал Турецкий. (Эта его небрежность, появляющаяся после первых двухсот граммов, могла относиться к кому угодно, так что она совсем не свидетельствовала о том, что Турецкий знал, кто зовет его к телефону.)

– Сан Борисыч, спасибо большое, только я не понял, зачем вы мне это прислали, если это официальное интервью. Я бы и сам его нашел. В чем тут фишка?

– В том, что это официальное интервью нигде не было опубликовано... – Турецкий икнул, – ...опубликовано, понял, умник?

– Странно. Я так понял, что это было телеинтервью, которое не дали показать по ящику, но оно все же вышло в какой-то газете. Там ведь так вроде написано...

– Ни фига оно не вышло, в том-то и дело. Из газеты быстро стукнули тому, кому надо, что происходит. И тот, кому надо, подсуетился, чтобы материала этого не стало. Газету через месяц закрыли под благовидным предлогом. Она и так уже многих к тому моменту достала. И вообще, не мешай людям культурно отдыхать! Нам скоро на работу!

Денис не стал возражать, что Турецкий и так на работе, и закончил разговор.

«...Проснувшись еще до рассвета, я дрожащей рукой достал из бардачка пачку сигарет. От холода зуб на зуб не попадал. Я давно не курил, но сейчас это был единственный способ хоть немного согреться. Медленно, шаг за шагом, в памяти всплывали события вчерашнего дня и сегодняшней ночи. Мое положение было критическим. Чувство безысходности, будто хищный зверь, вгрызалось в душу. Однако паника могла еще больше приблизить гибель. Сейчас как никогда надо было иметь трезвый рассудок и стальные нервы.

Прокрутив в голове все возможные варианты, я пришел к неутешительным выводам. Для убийцы мое присутствие на кладбище, во-первых, не секрет, во-вторых, словно кость в горле. Он ведь сам признался, что не ожидал от меня подобного любопытства. Значит, эта нелепая случайность и непредсказуемость моего поведения едва не спутали планы нападавшего. Он хорошо знал меня и теперь наверняка готов исправить свою ошибку. Охота за мной только начина-

лась. Кроме всего прочего, наследив на кладбище, я мог попасть под подозрение милиции. Единственная надежда на дождь, смывающий все следы, ничуть не успокаивала. Опытный криминалист мог легко во всем разобраться. Подложить меня под танк и сделать козлом отпущения не составляло никакого труда.

Если сейчас, находясь в относительной безопасности, я не найду нужного решения, то попаду под обстрел с двух сторон. Если милиция пошла по моему следу, то изловить меня не составляло особого труда. Кроме того, была еще одна, не менее опасная, сторона медали. Погибшие главари мафии наверняка найдут среди своих сообщников желающих отомстить за столь жестокую бойню. Не знаю насчет дружков Сергея Шведова, но младший брат Цурпаева, Магомет, без сомнения, захочет кровавой вендетты. Законы гор для таких джигитов – не пустая болтовня. Когда менты меня возьмут, уж Магомет-то сделает все возможное, чтобы заполучить мою несчастную головушку. Как ни крути, со всех сторон мне грозила смерть. А ей все равно, где подстергать свою жертву, главное – подвести печальный итог.

Словно загнанная в угол псина, я пытался найти выход. Пока не рассвело, тут, в старом дворике, я еще пользовался относительной безопасностью. А что дальше? Самым безрассудным было с моей стороны возвращаться домой. Внутренний голос говорил о том, что меня ждут. Интересно, кто первый совершит нападение? Милиция может легко взять

меня прямо на улице. Но две другие стороны наверняка не станут нападать среди бела дня на глазах у прохожих. Начинается рабочий день, люди спешат на работу. Кроме всего прочего, они, вероятно, знают, что я вооружен и легко в руки не дамся. В моем положении можно было попытаться скрыться. Однако денег на жизнь было немного. Да и если я скроюсь, подозрение еще больше упадет на меня. Тогда объявят розыск по всем городам и весям. Будучи абсолютно безвинным, совсем не хотелось жить как загнанная лошадь. Я никогда не считал себя трусом, и гордость не позволяла доставить этим подонкам такую радость. Если уж и суждено погибнуть, то с собой на тот свет я прихвачу еще кое-кого. В пистолете имелось четыре патрона. Пусть попробуют взять. «Афганцы» живыми не сдаются.

Тусклое солнце едва взошло над пробуждающимся городом... И тут в голову пришел самый простой, хотя и рискованный, выход. Из всех моих потенциальных врагов первым в игру наверняка вступит таинственный убийца. Ведь он обещал мне скорую встречу. Он вызвал меня на поединок. Если я покажу свою слабость, то только доставлю ему чувство удовлетворения. Он считает себя героем. Очень хотелось бы хоть немного поколебать уверенность этого парня. Рассчитав все за и против, я решил и дальше играть роль живой мишени и поехал к себе.

В двух шагах от своего дома я зашел в магазин и купил пакет молока и еще кое-какой снеди. Пистолет спрятал за пояс

и расстегнул куртку. Самое главное – это выглядеть невозмутимым и уверенным в себе. Убийца где-то рядом и ждет удобного случая. Не упустить бы момент. Выбирать не приходилось, но если я возьму его живым, то появятся шансы на спасение. Хотя уверенность выйти сухим из столь мутной воды приближалась к нулю.

Войдя в свой двор со стороны главного входа, я почувствовал странное беспокойство. Если убийца засел где-то на крыше, то убрать меня одним выстрелом не составляло особого труда. Впрочем, лучше всего ему было выследить меня наверняка. Сидеть на мокрой крыше и ждать моего появления было безрассудно. Приду я домой или нет, было для него загадкой. Лучше всего заманить невольного свидетеля в верную ловушку и там убрать без лишних глаз. Слава богу, вокруг имелось множество удобных мест. Во дворе было тихо и спокойно. Соседи проходили мимо. Улыбались, здоровались на ходу. Я отвечал, хотя в душе чувствовал тревогу. Правая рука в любой момент готова была в случае опасности скользнуть за пояс и схватить пушку.

Видимое спокойствие только настораживало. В проходном дворе я увидел припаркованную иномарку. Зная, на каких машинах ездят мои соседи, я сразу сделал вывод, с кем могу столкнуться. Это несколько успокоило. Ничто так не угнетает душу, как неизвестность. В «мерседесе», стоящем на обочине среди невзрачных «Запорожцев» и «Москвичей», никого не было. Значит, меня ждали или в подъезде,

или в квартире. Догадываясь, кому принадлежит крутая машина, я пришел к выводу, что мафиози по своей осведомленности стоят гораздо выше всех остальных. Следовало отдать им должное. Чувство интуиции подсказывало, что убийца тоже где-то рядом. А что, если он – на стороне кого-то из приближенных погибших главарей? Значит, самое интересное произойдет через несколько минут. Разведка должна состояться именно сейчас.

Прикрываясь пакетом с продуктами, я резко рванул дверь подъезда. Пистолет уже был в руке. На пороге стояла перепуганная соседка.

– Ох и напугали вы меня, Алексей Иванович!

Эта пожилая женщина всегда была в курсе всех событий. Она умудрялась находить потерянные вещи и целые лотерейные билеты. Клавдия Пантелеевна Суркова была легендой нашего двора. Появление ее сыграло мне на руку. Хорошо, что пистолет она не заметила. Мне показалось, что сзади мелькнула чья-то тень, но дверь подъезда уже захлопнулась. Соседка еще не вышла и смотрела на меня с нескрываемым любопытством.

– А к вам сегодня утром грузины какие-то звонили. Я еще думаю: что у вас с ними общего? Впрочем, я в глазок посмотрела – они ребята солидные. Все трое в кожаных куртках. Один из них, правда, больше на нашего, русского, похож.

– Спасибо за информацию, Клавдия Пантелеевна. Очень ценю вашу внимательность к моей персоне.

Она скользнула привычно любопытным взглядом по моему пакету и вышла на улицу. Я готов был расцеловать ее за такой неподдельный интерес к жизни. Находясь в подъезде, я уже знал, кто меня ожидает. Впрочем, сзади у них наверняка имелось прикрытие, и этого нельзя упускать из виду. Кошачьими шагами я стал подниматься по лестнице.

Вверху тоже было тихо. Добравшись до площадки, я прижался к двери. Любой шорох мог заставить меня действовать, но ничего не происходило. Я стукнул дверь ногой, отскочив в сторону. Там кто-то был. Уходя, я незаметно запломбировал дверь жвачкой. Это было знаком, известным только мне одному. Посетители не догадались об этом. Теперь маленький комочек жевательной резинки валялся на полу. Надежда на неожиданность на этот раз подвела кавказцев. Я же действовал ва-банк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.